В.С. Антонов

НАЧАЛЬНИКИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Владимир Антонов

Начальники советской внешней разведки

«ВЕЧЕ»
2016

Антонов В. С.

Начальники советской внешней разведки / В. С. Антонов — «ВЕЧЕ», 2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4444-4532-7

Предлагая читателям сборник биографических очерков о начальниках внешней разведки органов государственной безопасности нашей страны советского периода, мы хотели бы поделиться некоторыми воспоминаниями об этих людях их боевых соратников, рассказать, что они представляли собой как личности.В наше время – время ниспровергателей разных мастей, претендующих на знание истины в последней инстанции, раздающих налево и направо критические оценки прошлым и ныне здравствующим руководителям, это важно для понимания истории наших органов государственной безопасности, а, следовательно, – истории государства в целом.Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-4532-7

© Антонов В. С., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора 6
Часть первая 8
Глава 1 14
Глава 2 21
Глава 3 22
Глава 4 31
Глава 5 45
Часть вторая 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Владимир Антонов
Начальники советской внешней разведки

© Антонов В. С., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016
Сайт издательства www.veche.ru

* * *

95-летию Службы внешней разведки России и ее сотрудникам
ПОСВЯЩАЕТСЯ

От автора

За всю историю внешней разведки нашего государства высокий и ответственный пост ее руководителя занимали 29 человек. Созданный 20 декабря 1920 года Иностранный отдел ВЧК возглавил профессиональный революционер и дипломат Яков Христофорович Давыдов (Давтян). В 1930#х годах у руководства внешней разведкой стоял видный политический и военный деятель, один из организаторов советской контрразведки Артур Христианович Артузов. В годы военного лихолетья внешней разведкой руководил Павел Михайлович Фитин, самый молодой из ее начальников, назначенный на этот пост в 31 год. Первым Директором Службы внешней разведки России был академик Евгений Максимович Примаков. С 9 октября 2007 года российскую внешнюю разведку возглавляет видный государственный деятель Михаил Ефимович Фрадков…

Некоторые из начальников разведки занимали этот ответственный пост лишь несколько месяцев, другие – несколько лет. Но всех их объединяло то, что это были яркие личности с обостренным чувством долга и преданности делу, талантливые организаторы и руководители, самоотверженные люди.

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, который семнадцать лет являлся заместителем, из них двенадцать лет – первым заместителем начальника советской внешней разведки, подчеркивал: «Каждый из них вносил посильную лепту в становление разведки, каждый отдавал себя целиком этому нелегкому делу».

Основываясь на личном знакомстве и служебном общении с большинством начальников разведки нашей страны послевоенного периода, он отмечал: «Работа в этом качестве практически не оставляет времени для личной жизни, как бы ни были высоки организаторские таланты того или иного руководителя. Начальник разведки должен быть в курсе всех более или менее значительных событий, происходящих в мире, и даже предвидеть эти события, чувствовать различные тенденции, давать им оценку и в необходимых случаях предлагать возможные решения возникающих политических проблем.

Все неприятные происшествия в наших загранучреждениях докладываются круглосуточно начальнику разведки. Этот человек живет в обнимку с телефоном. Неписаные законы запрещают ему хотя бы на миг расставаться с ним. Оперативный телефон у него стоит на письменном столе, у изголовья в спальне, в автомашине и в комнате санатория, где он проводит отпуск.

Подобный режим существования с невидимой цепью на шее при бесконечном рабочем дне, с перерывом лишь на ночь в течение многих лет подряд может выдержать только очень здоровый физически человек с хорошо отлаженной нервной системой».

А вот что пишут в своей последней работе видные историки отечественных спецслужб Анатолий Терещенко и Александр Вдовин о руководителях другой отечественной разведки – военной (Главного разведывательного управления Генерального штаба):

«Высокие качества управленца в современном научном понимании заключаются в его умении анализировать информацию (оперативную, военную, политическую, научную), мобилизовывать в нужный момент все управленческие ресурсы на решение сложнейших задач, организовывать работу всей системы ГРУ ГШ, причем в самые тяжелые и критические периоды международной обстановки. Во время провалов ценной агентуры, предательства отдельных сотрудников, при смене высшего руководства страны и т. п.

…Должность начальника ГРУ ГШ особая. Набор знаний и умений, которыми он должен обладать, не существует и вряд ли определен каким-либо документом. На эту роль

назначается человек, в наибольшей степени способный, по мнению руководства страны, решать задачи и проблемы, стоящие перед военной разведкой».

Приведенная выше цитата в полной мере относится и к руководителям советской внешней разведки органов государственной безопапсности.

И еще хотелось бы обратить внимание читателя на следующие слова из работы историков. Начальнику разведки, по их мнению, «приходится работать с гигантскими массивами информации. Как организовать работу с ней? Возможны два пути. Первый – вникать во все самому, докапываться до деталей, тонкостей, мелочей. А где взять время? Другой путь – окружить себя профессиональными помощниками, обладающими профессиональными знаниями и умением работать с информацией и хорошо владеющими оперативной обстановкой». По мнению авторов, наиболее оправданным является второй путь. Ну а мы не раскроем большой тайны, если скажем, что сила руководителей советской внешней разведки всегда была в силе их заместителей и помощников.

Предлагая читателям сборник биографических очерков о начальниках внешней разведки органов государственной безопасности нашей страны советского периода, мы хотели бы поделиться некоторыми воспоминаниями об этих людях их боевых соратников, рассказать, что они представляли собой как личности. В наше время – время ниспровергателей разных мастей, претендующих на знание истины в последней инстанции, раздающих налево и направо критические оценки прошлым и ныне здравствующим руководителям, это важно для понимания истории наших органов государственной безопасности, а, следовательно, – истории государства в целом.

Часть первая
В начале пути

Двадцатый век стал свидетелем множества революционных преобразований в самых разных областях, но нигде это не проявилось настолько ярко, как в разведывательной деятельности.
Джеффри Т. Ричелсон

Ежегодно 20 декабря Служба внешней разведки Российской Федерации отмечает свой день рождения. В этот день в далеком 1920 году Ф. Э. Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК, преемницей которого в наши дни является СВР России.

Внешняя разведка – это необходимое звено государственного механизма, решающее целый ряд важнейших государственных задач. Нужна или не нужна разведка – вопрос чисто риторический. Ни одно более или менее крупное, а тем более – великое государство не способно и не может обойтись без неё. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

Следует особо подчеркнуть, что на любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах внешняя разведка защищает интересы государства. С течением времени могут измениться акценты в ее деятельности, может произойти отказ от некоторых методов работы, но никогда государственный аппарат не откажется от разведки как важнейшего инструмента своей политики.

Упомянутый выше Джеффри Т. Ричелсон, являвшийся ведущим американским экспертом в области разведки и контрразведки, в своей книге «Шпионы XX века: от царской охранки до ЦРУ и КГБ», в частности, подчеркивал: «Преображение мира в двадцатом веке – усложнение социальной структуры общества, всеохватная природа войны, бурное развитие науки и техники, появление новых государств – не могло не привести к преображению искусства разведки. Необходимость в сведениях обо всех аспектах жизни и деятельности иноземных держав, в том числе об их совершеннейшем вооружении, помогла превратить разведку в современную отрасль, нуждающуюся и в системах сбора данных, созданных по последнему слову техники, и в индивидуумах, обладающих обширными познаниями в естественных и общественных науках».

Октябрьская революция 1917 года положила начало появлению на огромной территории земного шара нового независимого государства – Советской России.

Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в стране в результате революционного процесса распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых своих шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового, по существу, государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с Декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы – Англия, Франция, Италия, Япония и США – организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачу входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных организаций, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации об их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри).

В то же время уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном. Так, в мае 1918 года Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Приведем несколько примеров такой разведывательной деятельности.

В начале 1918 года Дзержинский лично привлек к работе в качестве секретного сотрудника при Президиуме ВЧК на патриотической основе бывшего банкира и издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова. Он несколько раз выезжал в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и белой гвардии в отношении Советской России. Филиппову удалось убедить командование находившегося в финских портах Балтийского флота и российских гарнизонов перейти на сторону советской власти и передислоцироваться в Кронштадт.

В литературе по истории советской внешней разведки отмечается, что это был первый вывод сотрудника ВЧК за кордон с разведывательными целями, положивший начало данному методу чекистской работы за границей. Этот факт нашел подтверждение и в архивных материалах Службы внешней разведки России.

В феврале 1919 года в Турцию для организации разведывательной работы с территории этой страны был направлен Р. К. Султанов. Дзержинский его лично инструктировал, а также направил советскому представителю в Стамбуле письмо с просьбой оказать разведчику всяческое содействие.

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке занимался активной разведывательной деятельностью бывший царский профессиональный разведчик штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Хорвата и проинформировал об этом советское правительство в Петрограде. Добывал через агентуру и сообщал в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск. С февраля 1920 года являлся членом Военного совета Приморья. В конце мая того же года был сожжен японскими интервентами в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

По заданию особых отделов республиканских ЧК в декабре 1918 года в тылы германских войск на Украине, в Прибалтике и в Белоруссии были направлены сотрудники и агенты ВЧК для ведения разведки и организации партизанских отрядов.

Разведывательные пункты Особого отдела ВЧК были также созданы в Средней Азии и на Кавказе.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

В целях совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение – Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК были сформированы иностранные отделения. Они работали в контакте с Регистрационным управлением Реввоенсовета Республики, в котором в те годы сосредоточивалась военная разведка.

В ту пору Советская Россия имела дипломатические отношения с Турцией и Германией, а в связи с подписанием в 1920 году договоров о нормализации отношений со странами-лимитрофами (Эстония, Латвия, Литва и Финляндия) в столицах этих государств также открылись дипломатические представительства РСФСР. В них с разрешения ЦК РКП(б) создавались резидентуры внешней разведки. В их задачу входило агентурное проникновение в контрреволюционные белогвардейские организации и формирования.

Одновременно руководством ВЧК была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Первым руководителем первого штатного подразделения внешней разведки Особого отдела ВЧК стал Людвиг Францевич Скуйскумбре.

Он родился в 1898 году в Риге в латышской мещанской семье. Его отец был кассиром магазина. Людвиг получил среднее образование. Свободно владел немецким языком.

С ноября 1917 года он работал на хозяйственных должностях в административном отделе Моссовета. Член РКП(б) с июня 1918 года. В октябре 1918 года добровольцем ушел в 1#ю Революционную армию Восточного (впоследствии Туркестанского) фронта. Служил политработником, затем секретарем председателя Реввоенсовета, а с середины 1919 года – сотрудником особого отдела армии.

В начале 1920 года Скуйскумбре был переведен в Москву, в Особый отдел ВЧК и в апреле того же года возглавил Иностранно-осведомительное бюро центрального аппарата военной контрразведки.

После создания Иностранного отдела ВЧК Скуйскумбре некоторое время являлся начальником Осведомительной части (агентурного отдела) Особого отдела ВЧК, а вскоре был назначен заместителем начальника Осведомительной части (агентурного отдела) ИНО ВЧК.

В 1922 году выполнял специальные задания за границей по линии ИНО ВЧК. В начале 1923 года перешел на работу в военную контрразведку, а затем до 1937 года трудился в Экономическом управлении ОГПУ – НКВД.

Награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ» и именным маузером.

В 1938 году по состоянию здоровья уволился на пенсию.

* * *

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, не имела до декабря 1920 года самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

Что же произошло в 1920 году? Он стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась Гражданская война полной победой Красной Армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов – стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить российско-польскую войну 1920 года.

Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная Армия проиграла.

Готовить армию панской Польши страны Антанты начали еще в конце 1919 года. Поляки тогда получили от одной лишь Франции почти полторы тысячи орудий, около трех тысяч пулеметов, свыше трехсот тысяч винтовок, полмиллиарда патронов, двести броневиков, триста самолетов, уйму прочего военного снаряжения.

К весне 1920 года польская армия, полностью укомплектованная и обученная, насчитывала около 750 тысяч солдат. В Польшу из Франции была переброшена 70#тысячная армия генерала Галлера, сформированная из проживавших в этой стране поляков-эмигрантов.

К сожалению, российская внешняя разведка, входившая в состав военной контрразведки ВЧК, действовавшая в прифронтовой полосе и не имевшая своих резидентур в европейских странах, просмотрела военные приготовления Польши и стран Антанты. 25 апреля 1920 года войска панской Польши, воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были заняты борьбой с Добровольческой армией, в частности, с закрепившимися в Крыму войсками барона Врангеля, нанесли молодой республике удар в спину, перейдя внезапно в наступление.

Противостоявшие им войска Красной Армии, входившие в состав Западного и Юго-Западного фронтов, насчитывали всего около 65 тысяч бойцов.

Боевые действия начались для поляков успешно: в первые же недели наступления они захватили Житомир, Коростень, в мае взяли Киев и вышли на левый берег Днепра.

ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП(б) объявили срочную мобилизацию в действующую армию коммунистов и комсомольцев. Под ружье встали около одного миллиона человек.

Благодаря принятым мерам в войне наступил перелом: полки Красной Армии начали освобождать захваченные поляками территории Украины и Белоруссии.

Страны Антанты и США потребовали от правительства РСФСР остановить наступление. Англия направила советскому правительству ноту, в которой предложила немедленно заключить перемирие с Польшей по так называемой «линии Керзона» (в то время министр иностранных дел Великобритании), – примерно соответствовавшей нынешним западным границам Украины и Беларуси.

17 июля советское правительство отвергло «ультиматум Керзона», но заявило о готовности начать с Польшей переговоры о перемирии. Одновременно распоряжением Троцкого Западному фронту было приказано не позднее 12 августа овладеть Варшавой.

Именно тогда командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский отдал знаменитый приказ № 1423:

«Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству! На Запад! На Вильну, Минск, Варшаву – марш!»

К 13 августа Красная Армия оказалась в 12 километрах от Варшавы. Однако полякам удалось перехватить и расшифровать переписку Тухачевского с Буденным, в которой говорилось о том, что армия осталась без боеприпасов, амуниции и фуража.

Французские советники в армии Пилсудского генерал Вейган и маршал Фош порекомендовали полякам воспользоваться ситуацией. 16 августа польская армия перешла в контрнаступление…

Война обернулась тяжелым поражением войск Советской Республики. Красная Армия потеряла 150 тысяч убитыми. 66 тысяч её бойцов попали в польский плен и в дальнейшем практически все погибли. 30 тысяч красноармейцев были интернированы в Восточной Пруссии.

12 октября 1920 года в Риге начались российско-польские переговоры о перемирии, которые завершились подписанием крайне невыгодного для Советской России мирного договора. Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров территории к востоку от «линии Керзона», а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией.

В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось:

«Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

Для выработки документов, связанных с созданием самостоятельного разведывательного подразделения, была создана комиссия, в которую вошли: И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и Ф. Э. Дзержинский.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) и материалами комиссии Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал 20 декабря 1920 года приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. Штат ИНО составил 70 человек.

Этот приказ явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, преемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

Временно исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел, в целях конспирации выступавший под фамилией Давыдова. Ниже мы подробно расскажем о жизненном пути первого руководителя внешней разведки органов государственной безопасности нашей страны.

Создавая внешнюю разведку молодого Советского государства, Дзержинский, разумеется, не мог опираться только на дореволюционные кадры, поскольку речь шла о политической разведке органов госбезопасности. Однако уже с середины 1920#х годов «дорево-

люционные специалисты», особенно знатоки восточных языков, мастера перлюстрации и изготовления фальшивых документов, стали привлекаться к работе закордонной разведки ВЧК.

Вслед за Давыдовым-Давтяном Иностранный отдел ВЧК возглавлял Соломон Григорьевич Могилевский, являвшийся руководителем внешней разведки с августа 1921 по март 1922 года. Затем он руководил чекистами Закавказья.

Среди первых руководителей разведки органов госбезопасности профессионалом высокой пробы по праву можно назвать Михаила Абрамовича Трилиссера. На этом посту он проработал с марта 1922 по октябрь 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом. При нем внешняя разведка получила дальнейшее развитие и добилась впечатляющих результатов в своей деятельности. По рекомендации Трилиссера в Иностранный отдел пришли такие знаменитые в дальнейшем разведчики, как Владимир Владимирович Бустрем, отбывавший вместе с ним при царском режиме срок в Ярославской каторжной тюрьме, а также Дмитрий Георгиевич Федичкин, которого Трилиссер знал по работе на Дальнем Востоке.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Внешняя разведка (ИНО) вошла в состав ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в которое вошел и Иностранный отдел (штат: 122 человека в центральном аппарате и 62 – за границей).

Создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, а следовательно ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Так, в первые годы своего существования усилия внешней разведки были направлены прежде всего на борьбу с белой эмиграцией за границей, которая представляла большую опасность для Советской России как база для подготовки контрреволюционных групп. Важное значение имело и получение сведений о планах подрывной деятельности иностранных государств против нашей страны.

За три-четыре года с момента своего создания Иностранному отделу удалось организовать «легальные» резидентуры в сопредельных с СССР странах, а также в главных капиталистических государствах Европы – Англии, Франции и Германии. Было положено начало ведению разведки с нелегальных позиций, образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства СССР.

Глава 1
Давыдов (Давтян) Яков христофорович

Как мы отмечали выше, осенью 1920 года, проанализировав причины поражения Красной Армии в войне с панской Польшей, Политбюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о необходимости для страны иметь надежную разведку. Было принято решение о создании самостоятельной разведывательной службы внутри органов ВЧК. Исходя из этого решения партии, 20 декабря 1920 года Ф. Э. Дзержинский подписал приказ № 169 «О создании Иностранного отдела (ИНО) ВЧК».

Исполняющим обязанности начальника ИНО ВЧК был назначен ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел (заведующий отделом Прибалтийских стран и Польши), член Коллегии НКИД Яков Христофорович Давтян. При назначении в ИНО ВЧК в целях конспирации он поменял фамилию на Давыдова. Работу в разведке совмещал с работой в Наркомате иностранных дел.

Родился Яков Давтян 10 октября 1888 года в селе Верхние Акулисы Нахичеванского края в семье крестьянина, занимавшегося мелкой торговлей и садоводством. Армянин. Отец мальчика умер, когда ему исполнилось всего два года, и мать с двумя детьми на руках осталась без средств к существованию. Вскоре брат матери, служивший в Тифлисе, взял Якова в свой дом на воспитание. Яков поступил в лучшую в городе 1#ю Тифлисскую гимназию. Интересно отметить, что одновременно с Яковом Давтяном в этой гимназии в 1900–1903 годах учился будущий замечательный русский поэт Николай Гумилев.

В 1905 году 17#летний Яков вступил в партию большевиков. Вел работу в ученических и рабочих кружках, находился под негласным надзором полиции.

В 1907 году Давтян окончил гимназию и приехал в Петербург, чтобы поступить в Петербургский университет. Одновременно принимал активное участие в деятельности Петербургской организации РСДРП: являлся членом бюро райкома, а затем – членом горкома партии. Работал в ее военной организации, в редакции газеты «Голос казармы», вел агитацию среди солдат.

В конце 1907 года Яков Давтян был арестован полицией «за революционную деятельность». В мае 1908 года был выпущен из тюрьмы под залог и эмигрировал из России в Бельгию, где продолжил учебу в Политехническом университете и получил инженерное образование.

На брюссельский период жизни Давтяна приходится его знакомство со многими известными деятелями социал-демократического движения, ставшими позднее ответственными сотрудниками советского государственного и партийного аппарата.

Давтян являлся членом Бельгийской социалистической партии и сотрудничал с ее печатными изданиями. Вместе с видным революционером М. М. Литвиновым участвовал в работе русских эмигрантских организаций. Осенью 1909 года в Брюссель приехала в эмиграцию и в течение года работала там в бюро партийной организации известная революционерка Инесса Арманд. Молодой Жак (партийный псевдоним Давтяна) и Арманд подружились и впоследствии не раз сообща выполняли важные задания партии.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Германская армия вероломно вторглась на территорию нейтральной Бельгии и вскоре оккупировала ее. Несмотря на жесткие законы военного времени, Давтян продолжал работу партийного пропагандиста. В 1915 году он был арестован кайзеровскими оккупационными властями «за ведение антигерманской агитации» и заключен в тюрьму города Аахен. Через восемь месяцев, которые он провел в одиночной камере аахенской тюрьмы, Давтян был этапирован в лагерь для интер-

нированных лиц, находившийся на территории Германии. За неоднократные попытки побега был помещен в его штрафное отделение.

В августе 1918 года, через пять месяцев после подписания Россией Брестского мира с Германией, Яков Давтян по ходатайству первого советского полпреда в Берлине А. А. Иоффе был освобожден немцами из лагеря для военнопленных и вернулся в Россию. В сентябре того же года он становится заместителем председателя Московского губсовнархоза, который возглавляла Инесса Арманд, и фактически руководит его работой. К этому периоду относится и его сотрудничество с газетой «Правда», в которой Яков Христофорович публикует статьи на экономические и политические темы.

В феврале 1919 года партия направляет Давтяна в составе миссии российского Красного Креста во Францию для решения вопроса о возвращении на родину солдат и офицеров 40#тысячного Русского экспедиционного корпуса, часть которого была задержана на французской территории. В миссию, которую возглавлял видный революционер Дмитрий Мануильский, входила также Инесса Арманд, долгие годы проживавшая в этой стране. Поначалу французы враждебно встретили посланцев революционной России, однако затем были вынуждены согласиться отпустить на родину русских солдат, оказавшихся на чужбине.

В мае 1919 года Яков Давтян и Инесса Арманд сошли с борта французского парохода в Новороссийском порту. Усевшись в пролетку, они собрались было отправиться в путь, но вдруг с трапа парохода сбежал бородатый солдат и, схватив рысака под уздцы, громко крикнул: «Товарищи! Не уезжайте! Одну минуточку!»

Седоки повернулись в сторону парохода, и с палубы корабля, как раскаты грома, донеслось троекратное «ура!». Это русские солдаты, возвратившиеся на родину, благодарили Давтяна и Арманд за свое вызволение с чужбины.

Возвратившись в Москву, Давтян обратился в ЦК партии с просьбой предоставить ему работу с учетом приобретенного зарубежного опыта. В июне 1919 года он был направлен на Украину в качестве особоуполномоченного Совета обороны для инспекции политотделов военных учреждений. В связи с отступлением Красной Армии из Киева в августе 1919 года ему был выдан мандат следующего содержания:

«Тов. Давтяну поручается восстановление порядка в районе Киевского железнодорожного узла, прекращение бесчинств в войсковых эшелонах, задержание дезертиров, выселение из вагонов всех лиц, коим по штатам ими пользоваться не положено. Тов. Давтян имеет право ареста с последующим преданием суду состоящего при нем Ревтрибунала всех не подчиняющихся его распоряжениям, право пользования прямыми проводами, телефонным, телеграфным, право проезда в любом поезде и пользования отдельным паровозом».

В сентябре 1919 года Давтян был направлен на Южный фронт начальником политотдела 1#й Кавказской кавалирийской дивизии. В начале 1920 года его вновь отзывают в Москву, теперь уже для работы в Наркомате иностранных дел. Он назначается на должность первого секретаря советского полпредства в Ревеле (Таллине) и направляется туда в командировку. Затем из Ревеля его переводят в Лондон секретарем делегации Л. Б. Каменева.

После возвращения из Лондона в октябре 1920 года Яков Христофорович работает в центральном аппарате НКИД заведующим отделом Прибалтийских стран и Польши и одновременно является членом коллегии наркомата.

По рекомендации Инессы Арманд на молодого дипломата обратил внимание Дзержинский. По его ходатайству Оргбюро ЦК РКП(б) на своем специальном заседании от 12 ноября 1920 года принимает решение «откомандировать Я. Х. Давтяна в распоряжение ВКЧ», где, как предполагалось, он должен был возглавить создаваемый Иностранный отдел (внешнюю разведку).

Дело это было новое и связанное с многочисленными трудностями. Не хватало грамотных сотрудников, владевших секретами чекистского мастерства, навыками ведения развед-

работы за рубежом и свободно говоривших на иностранных языках. Скудным был и бюджет внешней разведки, а задачи перед ней стояли большие. Сам Давтян, правда, имел некоторый опыт работы за рубежом, в основном по линии НКИД, однако разведка, которой он должен был руководить, была для него «терра инкогнита». К тому же, первому организатору ИНО ВЧК в ту пору было всего 32 года.

Поскольку Яков Христофорович числился сразу за двумя ведомствами, было решено, что в целях конспирации в ИНО ВЧК он будет работать под фамилией Давыдов.

В приказе Ф. Э. Дзержинского о создании Иностранного отдела ВЧК, в частности, указывалось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела ОО ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел ВЧК подчинить начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Яков Христофорович активно включился в процесс разработки Положения об Иностранном отделе ВЧК, определения его структуры и штатного состава. Но если в Наркоминделе, где Давтян одновременно продолжал работать, он был официально утвержденным начальником отдела и членом Коллегии, то его статус в ИНО в качестве исполняющего обязанности начальника был менее определенным. Дзержинский, которому Давтяна рекомендовала Инесса Арманд, разумеется, знал об их дружеских отношениях. Знал он и о теплых отношениях революционерки с Лениным. Однако с официальным назначением Давтяна на ответственный пост начальника ИНО Дзержинский не торопился, желая, очевидно, более детально изучить его личные и деловые качества.

Подобное положение, видимо, не устраивало Давтяна. Через месяц официальной работы в качестве исполняющего обязанности руководителя внешней разведки органов госбезопасности он пишет служебную записку в Управление делами ВЧК:

«Ввиду того, что исполняя обязанности начальника Иностранного отдела с 30 ноября 1920 года, я числюсь в резерве назначения Административного отдела, прошу провести меня приказом по занимаемой должности».

Однако просьба Давтяна не была удовлетворена. Сегодня трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно Дзержинский присматривался к исполняющему обязанности начальника внешней разведки, но не исключено, что причиной был его неровный характер и «кавказский темперамент», о чем речь пойдет дальше. Тогда Давтян подает рапорт с просьбой перевести его на дипломатическую работу за рубежом.

20 января 1921 года руководство ВЧК освободило Я. Х. Давтяна от занимаемой должности в ИНО. Он возвращается в НКИД, который в ту пору возглавлял Г. В. Чичерин, и назначается советником полпредства РСФСР в Венгерской Советской Республике. Одновременно с Давтяном было оговорено, что за рубежом он будет выполнять и поручения Дзержинского. Преемником Якова Христофоровича Давтяна на посту начальника ИНО ВЧК стал Рубен Павлович Катанян.

Начальником внешней разведки Р. П. Катанян проработал недолго, всего до 10 апреля 1921 года, и по собственному желанию перешел на прокурорскую работу.

С 10 апреля 1921 года Иностранный отдел ВЧК вновь возглавил, но теперь уже в должности официального начальника, Яков Христофорович Давтян. Объяснялось это просто:

пока кадровый аппарат Наркоминдела оформлял Давтяна на работу в Венгерскую Советскую Республику, революция в ней была подавлена и вопрос о его дипломатической службе за кордоном отпал.

Но Давтян снова недолго руководил Иностранным отделом. Уже в августе 1921 года он вновь переводится на дипломатическую работу и назначается полпредом РСФСР в Литве. Пробыв в Ковно до сентября того же года, он возвращается в Москву и назначается временным поверенным в делах РСФСР в Китае в ранге советника. При этом Яков Христофорович, как было оговорено ранее, одновременно утверждается главным резидентом ИНО ВЧК в Китае, где в ту пору работало около десятка разведывательных коллективов.

Через некоторое время после прибытия в Пекин в служебном письме на имя своего преемника на посту начальника Иностранного отдела Михаила Трилиссера Яков Давтян пишет (здесь и далее оригинал текста сохранен. – *Авт.*): «Нашу работу здесь я считаю чрезвычайно важной и полагаю, что тут можно многое сделать».

Яков Христофорович энергично взялся за дело. Через полгода он докладывал в Центр:

«Работа здесь весьма интересная, захватывающая, но очень трудная, чрезвычайно ответственная. Отдаленность от Москвы, плохая связь, взаимное непонимание еще больше осложняют нашу работу… Я никогда (даже в ИНО) так много не работал, как здесь, и никогда это не стоило мне таких нервов».

Объяснялось это тем, что у Якова Христофоровича не сложились отношения с руководителем резидентуры ИНО в Пекине Аристархом Рыльским, который считал, что Давтян дублирует его работу. Следует также иметь в виду, что в те годы органы государственной безопасности еще находились в стадии становления: хромала, подчас, дисциплина, многие чекисты голосовали за платформу оппозиции, возглавляемой Троцким, нуждались в укреплении принципы единоначалия и субординации. Требовалось наведение элементарного порядка в работе, и Давтян принимает энергичные меры. Это, несомненно, дало свои плоды, и 9 декабря 1922 года в служебном письме на имя начальника разведки Трилиссера он так характеризует Рыльского:

«О Рыльском ничего плохого сказать не могу, но и особенно хвалить также не стану. Он сильно подтянулся с моим приездом, и есть надежда, что будет полезен. Посмотрим».

Но уже со следующей почтой в Центр ушло новое письмо главного резидента:

«Я буду просить вас заменить Рыльского. Он абсолютно не справляется со своими заданиями, так как ленив и вял».

А еще через месяц, 9 января 1923 года, в адрес начальника разведки летит новое послание:

«Вопреки моему прежнему мнению, Рыльский оказался более симпатичным, чем я ожидал. У него есть некоторая вялость в работе, но в общем и целом он работает недурно и ведет себя очень хорошо. Я им почти доволен и прошу его не заменять, сработался он со мной хорошо».

Однако у Центра было иное мнение в отношении Рыльского. Понимая, что главной причиной неровного отношения к нему Давтяна является характер последнего, Центр принял решение отозвать Рыльского в Москву, ибо его непростые взаимоотношения с главным резидентом могли поставить под удар всю работу советской разведки в Китае.

Следует подчеркнуть, что этот отзыв не отразился на положении Рыльского в разведке: вскоре он был направлен резидентом ОГПУ в Данию. Затем получил назначение в Париж. В дальнейшем работал руководителем других резидентур как по линии «легальной», так и нелегальной разведки. Яков Христофорович еще не раз встречался с ним, работая за рубежом, но уже в качестве «чистого» дипломата.

Кремль придавал большое значение укреплению всесторонних связей с Китаем, который являлся самой крупной соседней страной. К тому же после Октябрьской револю-

ции в Маньчжурии укрылись многочисленные белогвардейские вооруженные организации. Здесь же была значительная – до нескольких десятков тысяч человек – русская колония, работавшая в основном на принадлежавшей СССР Китайско-Восточной железной дороге. Центру было важно знать истинное положение дел в соседней стране, особенно планы белогвардейской вооруженной эмиграции.

Через год после приезда в Пекин Давтян докладывал начальнику внешней разведки:

«Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

На чем основывались такие оценки главного резидента ОГПУ в Китае? Давтяну действительно удалось активизировать работу разведки в этой стране, особенно по белой эмиграции. В частности, мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах добыла уникальный архив белогвардейской контрразведки, касающийся всего Дальнего Востока. Полученные документы Давтян направил в Центр специальным курьером. В сопроводительном письме на имя начальника разведки М. А. Трилиссера он не без гордости писал:

«Дорогой Михаил Абрамович! С сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив этот не «замариновался» и был использован».

В середине 1923 года в направленном в Центр отчете о проделанной работе Давтян сообщал:

«Работу я сильно развернул. Уже теперь есть приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезый аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку.

Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать на нас, связаны с японцами и белогвардейщиной. Ожидаю очень много интересного».

Несмотря на эмоциональную окрашенность служебных писем, Давтян в целом не преувеличивал достижений своих сотрудников.

Уже к концу 1920#х годов харбинская резидентура стала ведущей в работе против Японии и белогвардейской эмиграции. Именно в Харбине сотрудник резидентуры Василий Пудин получит план японской военщины в отношении СССР, который затем вошел в историю под названием «меморандум Танаки». Им же было добыто свыше двадцати японских шифров.

В годы Великой Отечественной войны из Китая поступала весьма важная политическая информация по Японии.

А основы этой блестящей работы советской внешней разведки в данном регионе были заложены в ту пору, когда главным резидентом Иностранного отдела ГПУ – ОГПУ в Китае был Яков Христофорович Давтян.

Совмещать сразу две должности – временного поверенного в делах РСФСР в Китае и главного резидента ИНО ГПУ – ОГПУ – для Давтяна было непросто. И он ставит перед Центром вопрос о том, чтобы его освободили от одной из должностей, однако в силу своего «кавказского темперамента» делает это излишне эмоционально. В ответ на указания Центра относительно дальнейшего совершенствования работы советской разведки в Китае Давтян в сентябре 1923 года пишет Трилиссеру:

«Я полагаю, что в Пекине лучше видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тогда прошу освободить меня от работы совершенно».

Конечно же, Я. Х. Давтян был абсолютно неправ. Ведь в Центр стекались разведывательные сведения по Китаю не только из руководимых им резидентур в этой стране, но

и из многих других разведывательных подразделений, в том числе действовавших в Европе, Азии и Америке. Поэтому именно Центр обладал большей информацией относительно положения дел в Китае, нежели Давтян.

В другом письме на имя начальника разведки Давтян, в ответ на некоторые дружеские замечания Трилиссера, делится с ним следующими мыслями:

«Я думаю, что мне было бы целесообразно отказаться от работы в ИНО, так как я совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий».

Не все гладко складывалось у Давтяна и с НКИД. Китай, как уже отмечалось, занимал видное место во внешнеполитических планах советского руководства, а это требовало от Давтяна напряженной работы по линии наркомата. Москва высказывала пожелания улучшить работу полпредства, что также вызывало у него болезненную реакцию. В личных письмах на Лубянку он жаловался на НКИД и замечал, что «Пекин, по-видимому, будет моей последней работой в этом милом учреждении».

Однако в Москве решили по-иному. В апреле 1924 года Яков Давтян заменяется на посту главного резидента в Китае и отзывается из Пекина. В Москве он окончательно переводится в НКИД СССР, где по-прежнему ощущается острая нехватка квалифицированных кадров. Летом 1924 года Яков Христофорович назначается полпредом СССР в Тувинской Республике и одновременно становится председателем полномочной комиссии ЦИК СССР по урегулированию двусторонних отношений и инспекции советских учреждений. Решив задачи, поставленные перед ним в Кызыле, осенью того же года Давтян возвращается в Москву.

Вскоре Давтян получает новое назначение: полпредом СССР в Венгрии. Однако режим адмирала Хорти не ратифицировал уже подписанный советско-венгерский договор об урегулировании спорных вопросов, и дипломатические отношения между двумя странами так и не были установлены.

В 1924–1925 годах Давтян находился на партийно-хозяйственной работе в Москве. В течение двух месяцев он трудился заместителем председателя треста Чаеуправления, затем занимался партийной работой на фабрике «Большевичка», к партийной ячейке которой был прикреплен.

В начале 1925 года Яков Давтян вновь возвращается в НКИД и в мае назначается советником полпредства СССР во Франции, которое в то время возглавлял известный революционер и активный сторонник Льва Троцкого Христиан Раковский. В Париже Давтян принимает участие в работе различного рода международных конференций, неоднократно замещает полпреда, которому в Москве не очень доверяли из-за его близости к Троцкому, и по-прежнему оказывает помощь резидентуре ИНО ОГПУ.

Осенью 1927 года Давтян назначается полномочным представителем СССР в Персии (Иран) и работает на этой должности до декабря 1929 года.

По возвращении в СССР Яков Христофорович был переведен на административную работу. С 3 февраля по 30 июня 1930 года он являлся директором Ленинградского политехнического института и провел его реорганизацию. Под его руководством ЛПИ был разделен на ряд профильных институтов. 1 июля того же года Давтян назначается директором Ленинградского машиностроительного института Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). 23 января 1931 года переводится на работу в ВСНХ СССР – начальником сектора проверки исполнения.

С 1932 года Давтян вновь на дипломатической работе. Он назначается полпредом СССР в Греции, а в апреле 1934 года – полпредом СССР в Польше. На VII съезде Советов СССР в 1935 году избирается членом ЦИК СССР.

Однако близкое знакомство в период работы во Франции с одним из видных троцкистов Раковским не прошло для Давтяна даром.

21 ноября 1937 года Яков Христофорович был арестован в Москве по обвинению в принадлежности к «антисоветской террористической организации». Вскоре он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и 28 июля 1938 года расстрелян.

25 апреля 1957 года Я. Х. Давтян был полностью реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления.

Имя Якова Христофоровича Давтяна (Давыдова), как одного из непосредственных организаторов внешней разведки нашей страны, занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Глава 2
Катанян Рубен Павлович

20 января 1921 года преемником Якова Христофоровича Давтяна, временно исполнявшего обязанности начальника ИНО ВЧК, стал Рубен Павлович Катанян. Начальником внешней разведки он проработал недолго, всего до 10 апреля 1921 года, и по собственному желанию перешел на прокурорскую работу.

Рубен Павлович Катанян родился в 1881 году в Тифлисе в семье служащего. Армянин. Отец его был учителем гимназии, мать – домохозяйкой. После окончания 1#й Тифлисской гимназии он поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году вступил в московскую студенческую группу РСДРП. Активный участник революции 1905 года в Москве. В 1906 году окончил Московский университет и стал заниматься адвокатской практикой. Сотрудничал в газетах социал-демократического направления. В 1907 году был направлен для ведения партийной работы в Закавказье. С 1912 года находился под негласным надзором полиции.

С марта по октябрь 1917 года состоял в организации объединенных социал-демократов-интернационалистов «Новая жизнь».

После победы Октябрьской революции Катанян являлся членом редколлегии газеты «Известия», редактировал газету «Красный воин» 11#й армии в Астрахани. Участвовал в создании Московской ЧК. С июля 1919 года по июнь 1920 года – начальник политотдела и одновремепнно заместитель начальника политуправления Реввоенсовета республики. Затем являлся заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б).

20 января 1921 года Рубен Катанян был назначен начальником Иностранного отдела ВЧК. Однако уже 10 апреля того же года он по собственному желанию перешел на прокурорскую работу.

В сентябре 1921 года Рубен Павлович был назначен генеральным консулом в Берлине. В дальнейшем он трудился на руководящих должностях в Наркомфине, помощником Прокурора РСФСР, старшим помощником прокурора Верховного суда СССР по специальным делам. Курировал деятельность органов государственной безопасности. Выступал государственным обвинителем на ряде политических процессов.

Катанян был награжден орденом Ленина и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ». Имел звание профессора Московского университета.

В 1938 году Рубен Павлович Катанян был репрессирован. С 1938 по 1948 год и с 1950 по 1955 год находился в заключении, а с 1948 по 1950 год – в ссылке.

Полностью реабилитирован в 1955 году. Тогда же ему была назначена персональная пенсия.

Скончался в Москве 6 июня 1966 года.

Сменил Катаняна на должности руководителя внешней разведки 10 апреля 1921 года вновь переведенный на работу в ИНО ВЧК, но уже без приставки и.о. Яков Христофорович Давыдов (Давтян). Однако и он проработал на этом посту лишь четыре месяца и окончательно вернулся на дипломатическую службу. С 6 августа 1921 года Иностранный отдел ВЧК возглавил профессиональный юрист и революционер Соломон Григорьевич Могилевский.

Глава 3
Могилевский Соломон Григорьевич

22 марта 1925 года в 12 часов 10 минут вблизи Дидубийского ипподрома в Абхазии в результате аварии аэроплана «Юнкерс#13» трагически погиб председатель Закавказской ЧК Соломон Григорьевич Могилевский, являвшийся с августа 1921 года по март 1922 года начальником российской внешней разведки. Вместе с ним в самолете находились заместитель председателя Совнаркома Закавказской Федерации, член Президиума ЦИК СССР Александр Федорович Мясников (Мясникян), заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгий Александрович Атарбеков и два летчика – Шпиль и Сагарадзе.

Все они летели из Тифлиса (Тбилиси) в Сухуми, где должен был состояться съезд Советов Абхазии. Перед полетом столь ответственных официальных лиц летательный аппарат был тщательно проверен и всесторонне подготовлен к выполнению задания. Самолет вылетел из Тифлиса в 11.45 утра, а через двадцать минут поступило сообщение о его падении. Много лет спустя выяснилось, что авиакатастрофа не была случайной, а связана с чекистской деятельностью С. Г. Могилевского.

Будущий выдающийся чекист и один из первых руководителей внешней разведки Соломон Могилевский родился в 1885 году в городе Павлограде Екатеринославской губернии в семье богатого еврейского коммерсанта. Учился в городской гимназии, где, начиная с 1902 года, занимался революционной деятельностью. Участвовал в гимназических и рабочих кружках, а уже с 1903 года приступил к самостоятельной пропагандистской работе – вел политический кружок, организовывал рабочие массовки и сам участвовал в них, выпускал и распространял листовки. В том же году вступил в Павлоградскую организацию РСДРП. В 1904 году был арестован царской охранкой и после двухмесячного тюремного заключения выпущен под крупный залог в размере 10 тысяч рублей, внесенный отцом, после чего эмигрировал в Швейцарию.

В Швейцарии 20#летний Соломон поступает на учебу в Женевский университет на юридический факультет. В Женеве он сближается с местной группой большевиков, возглавляемой В. И. Лениным. По его заданию в 1906 году Могилевский нелегально возвращается в Россию и работает партийным пропагандистом в Екатеринославле на Брянском заводе, а также ведет революционную пропаганду среди рабочих Железнодорожного района города. Несколько раз выезжал в Финляндию для связи с финскими большевиками, участвовал в издании партийной литературы.

В 1907 году Могилевский поступил на юридический факультет Петербургского университета, а затем переехал в Москву, где продолжил учебу в Московском университете. В 1908 году, после поражения Первой русской революции и наступления реакции, Соломон Могилевский отошел от активной партийной работы и сосредоточился на учебе.

После окончания юридического факультета Московского университета Могилевский служил в Музее содействия труду в Москве. В 1914 году он был принят в члены РСДРП(б).

В 1916 году Могилевский был призван в армию. Служил под Минском в нестроевых частях. После Февральской революции 1917 года он становится членом Минского комитета РСДРП(б). Одновременно является членом исполкома Минского Совета и солдатского комитета Западного фронта. От минской партийной организации в 1917 году принимал участие в работе VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

В результате летнего наступления, предпринятого Временным правительством Керенского в июне 1917 года под давлением Антанты, Восточный фронт рухнул. Русская армия, не подготовленная к наступлению и брошенная своими «союзниками» на произвол судьбы, фактически развалилась под мощными ударами кайзеровских войск и оказалась не в состо-

нии вести какие-либо боевые действия. В тылу России начался стихийный захват помещичьих земель. Временное правительство приступило к массовой демобилизации из армии, надеясь тем самым избавиться от революционно настроенных солдат. Участились случаи дезертирства. Солдаты-дезертиры целыми эшелонами направлялись в тыл, чтобы успеть к разделу земель.

Соломон Могилевский как «ненадежный элемент» был демобилизован из армии в августе 1917 года. Большевистская партия направила его агитатором на Северный фронт, где генерал Иванов незадолго до этого сдал немцам Ригу, чтобы «задушить гидру революции». Вскоре Могилевский получает новое задание партии – он направляется большевистским агитатором в Иваново-Вознесенск, родину первых Советов, где ведет революционную работу среди текстильщиков.

Октябрьские события 1917 года застали Соломона Могилевского в Минске, где он работал в Военно-революционном комитете по подготовке вооруженного восстания. После победы Октябрьской революции он вновь возвратился в Иваново-Вознесенск, где был назначен комиссаром промышленности. Занимался восстановлением текстильного края, обеспечением ткацких фабрик хлопком из Средней Азии. Вскоре в связи с саботажем крупного капитала становится комиссаром юстиции в этой губернии, а затем и председателем Революционного трибунала.

Весной 1918 года Могилевского, успевшего положительно зарекомендовать себя на практической работе, переводят в Москву на должность заместителя заведующего отделом Народного комиссариата юстиции. Одновременно он является по совместительству членом коллегии обвинителей Верховного трибунала Республики.

В мае 1918 года в России вспыхнул мятеж белочехов, активно поддержанный Антантой. Захватив 25 мая Транссибирскую магистраль от Казани до Владивостока, бывшие чешские военнопленные, которым советское правительство разрешило возвратиться на Родину через Дальний Восток, выступили с оружием в руках против своих вчерашних союзников. В Поволжье и на Урале они свергли советское правительство, арестовали и расстреляли коммунистов из местных органов власти. В Омске адмирал Колчак сверг власть Советов, объявил себя Верховным правителем России и назначил временное Сибирское правительство.

8 июня 1918 года в Самару, захваченную чехословацким мятежным корпусом, на броневике мятежников и под их охраной въехали пять членов бывшего Учредительного собрания, разогнанного большевиками: Вольский, Климушкин, Брушвит, Фортунатов и Нестеров, которые при поддержке интервентов возглавили эсеро-меньшевистское правительство. Они провозгласили себя «Комитетом Учредительного собрания» («Комуч») и начали властвовать. В тот же день они издали прокламацию, в которой объявили о свержении власти Советов и лицемерно заверили граждан, что «каждый человек будет дорог и неоценим для демократического режима». Но на самом деле на улицах Самары уже чинилась оргия арестов и расправ над большевиками, комиссарами и сочувствующими им рабочими. Только с 8 по 18 июня 1918 года «демократы» бросили за решетку 1827 инакомыслящих. На 7 октября 1918 года, когда Самара была взята Красной Армией, в тюрьмах правительства «Комуча» содержалось 2500 заключенных, а несколько тысяч человек было расстреляно.

Небезынтересна дальнейшая судьба «Комуча». Бежав под ударами Красной Армии на Восток, это самозванное «правительство» нашло убежище под крылышком у «Верховного правителя» в Омске. Некоторое время оно пыталось претендовать на власть в стране, даже осуждало «эксцессы» Колчака. В конечном итоге адмиралу надоела игра в демократию и он приказал расстрелять остатки Учредительного собрания России. Так что по сравнению с действиями «омского правителя» разгон «учредиловки» большевиками выглядит просто гуманным актом.

Однако вернемся к событиям лета 1918 года. Вслед за мятежом белых чехов французы заявили, что чехословацкий корпус является частью французской армии, и потребовали от советского правительства эвакуировать его через Архангельск и Мурманск. В июне 1918 года они вместе с англичанами высадились в этих русских портах и оккупировали Север России. На Дальнем Востоке и в Приморье высадились японские и американские интервенты. В результате Россия оказалась окруженной фронтами Гражданской войны.

В связи с созданием Восточного фронта в Поволжье, летом 1918 года Могилевский назначается членом комиссии ВЦИК по восстановлению советской власти в Саратове. Одновременно он работает в Саратовской ЧК по ликвидации белогвардейского мятежа. К тому времени Гражданская война охватила всю территорию России. В августе 1918 года Красная Армия перешла в контрнаступление на Восточном фронте и к концу ноября изгнала интервентов из Поволжья. Могилевский отзывается из Саратова и направляется на Украину, где работает в органах наркомата юстиции Республики. Одновременно он является заместителем председателя революционного трибунала 12#й армии.

В 1919 году решением Оргбюро ЦК РКП(б) Соломон Могилевский направляется в распоряжение Ф. Э. Дзержинского. В октябре того же года он назначается заведующим следственной частью ВЧК и одновременно – заместителем начальника особого отдела Московской ЧК.

Создание особых отделов при ВЧК было вызвано тем, что в годы Гражданской войны и иностранной интервенции главный удар спецслужб Антанты и белогвардейцев был направлен против Красной Армии. Это потребовало от ВЧК усилить борьбу с деятельностью контрреволюционных организаций и иностранных разведок внутри Красной Армии. С этой целью по решению ЦК РКП(б) еще 19 декабря 1918 года в ВЧК был создан Особый отдел. Сформирован он был на базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля. В задачи Особого отдела ВЧК входила активизация борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте.

6 января 1919 года под руководством Дзержинского было разработано «Положение об особых отделах ВЧК». Наряду с задачами по борьбе против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте на особые отделы возлагалась организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики и руководство ею.

22 декабря 1919 года в Москве состоялось Всероссийское совещание начальников особых отделов фронтов, армий и флотов, которое приняло резолюцию о необходимости создания агентурной сети не только на оккупированной территории России, но и «в некоторых городах Западной Европы», где разместились белогвардейские центры.

Работая в особом отделе Московской Чрезвычайной комиссии, Могилевский в 1919 году принимал активное участие в ликвидации подпольной контрреволюционной организации «Национальный центр».

…В начале июля 1919 года под городом Луга Петроградской губернии красноармейцы застрелили офицера Никитенко, лазутчика, пробиравшегося в армию Юденича. Среди найденных у него документов они обнаружили листок, из которого следовало, что убитый офицер являлся членом подпольной антисоветской организации, действовавшей в Петрограде и пытавшейся установить связь с белым командованием. Заговорщики создали так называемый «Национальный центр» Петрограда, в который входили барон Штромберг, князья Андронников и Оболенский, а также другие лица, вскоре арестованные чекистами и давшие показания.

Во время допросов заговорщиков выяснилось, в частности, что в Москве также действует законспирированная контрреволюционная организация «Национального центра», которая готовит вооруженное восстание в «красной столице». Сигналом к нему должно было

послужить взятие Тулы генералом Деникиным. Генерал планировал въехать в Первопрестольную до зимы и уже заготовил «Приказ № 1» и «Воззвание к населению Москвы».

Операцией по ликвидации «Национального центра» непосредственно руководил Ф. Э. Дзержинский. В ней участвовали также такие выдающиеся чекисты, как В. Р. Менжинский и А. Х. Артузов. В ходе операции был арестован руководитель «Национального центра» Н. Н. Щепкин, в прошлом крупный деятель партии кадетов, член Государственной думы. На деятельность своей подпольной организации он получил от адмирала Колчака миллион рублей золотом.

В ходе обыска на квартире Щепкина чекисты обнаружили ряд секретных документов, среди которых были постановление Реввоенсовета Республики о сосредоточении фронтовых резервов Красной Армии в районе Тулы, а также изложение плана ее боевых действий против Деникина. Выяснилось, что этими сведениями Щепкина снабжал начальник оперативного отдела Всероссийского Главного штаба бывший царский генерал Кузнецов.

Во время допросов арестованных заговорщиков, в которых принимал непосредственное участие и Соломон Могилевский, выяснилось также, что они были тесно связаны с резидентом британской разведки в Петрограде Полом Дюксом, через которого информация уходила в Лондон и Париж. Выступление контрреволюционеров намечалось в ночь с 21 на 22 сентября 1919 года. Поэтому начало операции по разгрому контрреволюционного подполья было назначено на 18 сентября. В ходе этой операции, продолжавшейся до 20 сентября, ВЧК арестовала всех основных главарей заговора. 23 сентября 1919 года в «Известиях» было опубликовано обращение ВЧК ко всем гражданам России в связи с разгромом «Национального центра» и преданы огласке имена 67 главных заговорщиков. Всего в ходе проведенной чекистами операции было арестовано около 700 человек.

После ликвидации «Национального центра» Могилевский получил новое назначение. В 1920 году он становится особоуполномоченным Особого отдела ВЧК, то есть фактически является одним из заместителей начальника (в те времена – заведующего) этого отдела. Принимает активное участие в процессе формирования закордонной разведки ВЧК. Это было вызвано третьим походом Антанты – вмешательством панской Польши в Гражданскую войну в России на стороне Врангеля, окопавшегося в Крыму. Антанта начала готовить армию Пилсудского для похода против Советской России в конце 1919 года, т. е. после провала заговора «Национального центра». Одна лишь Франция передала Польше оружия и боеприпасов для 750#тысячной армии. Кроме того, в Польшу из Франции была переброшена 70#тысячная армия генерала Галлера, состоявшая из поляков-эмигрантов.

Весной 1920 года, воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии были отвлечены на борьбу с остатками армии Врангеля, полчища Пилсудского вторглись на территорию Украины и Белоруссии. Так Польша, получившая независимость от Советской Республики, «отблагодарила» ее. 25 мая 1920 года поляки заняли Киев. В целях усиления разведывательной работы в тылу банд Пилсудского весной 1920 года в Особом отделе ВЧК создается особое подразделение – Иностранный отдел, а при особых отделах армий – иностранные отделения.

Поход польских белогвардейцев против Советской Республики закончился их поражением. В конце 1920 года под ударами Красной Армии польские интервенты были вынуждены очистить Украину и Белоруссию. Войска Тухачевского быстро продвигались к Варшаве. Перед лицом окончательного поражения Польши министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон предъявил советскому правительству ультиматум. Одновременно страны Антанты оказали обанкротившемуся режиму Пилсудского срочную военную помощь. Обороной Варшавы руководил непосредственно французский генерал Вейган, являвшийся военным атташе Франции в этой стране.

Воспользовавшись тем, что тылы Красной Армии отстали от авангарда, а также массированной военной помощью Антанты, поляки отвергли мирные предложения советского правительства и перешли в контрнаступление. Польские войска оккупировали Западную Украину и Западную Белоруссию. Международное и внутреннее положение Советской России осложнилось. В связи с этим в сентябре 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), проанализировав сложившуюся обстановку, пришло к выводу о том, что одной из причин неудачи Красной Армии в отражении польской агрессии явилось слабое ведение разведывательной работы в тылу интервентов.

Правда, еще с 1919 года органы ВЧК стали использовать заброску в тыл белогвардейских войск агентов для их последующего внедрения во вражеские формирования. Одному из таких агентов удалось даже проникнуть в организацию Савинкова «Союз защиты Родины и свободы» на территории Польши и выявить активных ее участников. Но этого было явно недостаточно. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. На созданный в структуре ВЧК Иностранный отдел было возложено ведение закордонной разведки. Таким образом, Иностранный отдел стал руководящим органом закордонной агентуры ВЧК.

В августе 1921 года в связи с переходом руководителя ИНО ВЧК Давыдова (Давтяна) на работу в Наркомат по иностранным делам, Могилевский был назначен руководителем внешней разведки. Начальником ИНО ВЧК он являлся до марта 1922 года. К этому времени Гражданская война в России в основном завершилась победой Красной Армии. Только на Дальнем Востоке и в Приморье оставались японские оккупанты, которые были изгнаны оттуда осенью 1922 года.

6 февраля 1922 года по предложению В. И. Ленина декретом ВЦИК РСФСР Всероссийская чрезвычайная комиссия была упразднена. На ее базе было образовано Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел РСФСР. Его работа ограничивалась, в основном, решением политических задач. В ГПУ было создано Секретно-оперативное управление (СОУ), в состав которого вошел и Иностранный отдел. На него по-прежнему возлагалась задача ведения разведывательной работы за рубежом. Однако поскольку в те времена Советская Россия находилась в политической изоляции, одновременно ведением разведывательной работы за рубежом занимались и полномочные представительства ГПУ в Закавказье, в Забайкалье, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Приморье.

Так, в частности, полпредство ГПУ на Дальнем Востоке вело разведку против Японии с территории Китая силами резидентур в Пекине и Харбине. Полпредство в Закавказье (Тифлис) занималось организацией разведывательной работы по Турции, Ирану, Ближнему Востоку и Балканам. Аналогичные задачи решались и другими полномочными представительствами. Главное внимание при этом уделялось ведению работы по белогвардейским эмигрантским организациям, нашедшим убежище за рубежом, борьбе с их специальными службами, а также выявлению их состава и планов подрывных акций против Советской России.

Одним из первых серьезных испытаний для Могилевского на посту начальника ИНО стала оперативная подготовка к международной конференции в Генуе. Под его руководством внешней разведке удалось получить в ряде европейских стран упреждающую секретную информацию о намерениях правительств этих стран на конференции. ИНО ГПУ получило также сведения о том, что Англия и Франция стремятся создать вокруг Советской России «санитарный кордон» из стран «малой Антанты» и добиться дипломатической изоляции Москвы.

Уже в период Генуэзской конференции внешняя разведка перехватила переписку видных деятелей белой эмиграции Симона Петлюры и Василия Шульгина, присутствовавшего при акте отречения Николая II от трона. Из этой переписки чекисты узнали, что против

советской делегации во главе с Г. В. Чичериным готовится террористический акт. Благодаря своевременно принятым мерам, покушение удалось предотвратить.

Советской делегации на Генуэзской конференции удалось сорвать планы Антанты по дипломатической изоляции нашего государства. 16 апреля 1922 года после заключения в итальянском городе Рапалло договора с Германией об установлении дипломатических и торговых отношений блокада Советской России была прорвана.

После открытия в Берлине официального дипломатического представительства была создана и первая совместная «легальная» резидентура ИНО ГПУ и Разведупра Штаба РККА в Германии. Ее возглавил сотрудник военной разведки Артур Сташевский. Но уже в феврале 1923 года его сменил опытный работник ИНО ГПУ Бронислав Бортновский, еще в августе 1918 года принимавший участие в ликвидации «заговора послов» с целью свержения советского правительства, который возглавлял британский разведчик Брюс Локкарт.

Берлинская резидентура ИНО становится опорным пунктом закордонной разведки органов госбезопасности в Европе. Из берлинской резидентуры Центр получал важную политическую и экономическую информацию. Германия являлась также страной, из которой в Москву активно направлялись образцы современной техники.

Однако главной задачей внешней разведки в тот период оставалась борьба с белогвардейской вооруженной эмиграцией, которая рассматривалась в качестве главного противника. Ее руководители стремились сохранить воинские формирования Белого движения, чтобы использовать их в будущей интервенции против Советской России. В одном из писем руководителя белой эмиграции генерала П. Н. Врангеля своим сторонникам прямо говорилось: «Главная и единственная задача русской военной эмиграции – борьба с советской властью». После революции из России выехало свыше двух миллионов человек. Далеко не все они вошли в вооруженные белогвардейские формирования, однако далеко не все из последних отказались от мысли об «освободительном походе» в Советскую Россию.

Подготовка к «крестовому походу» против большевиков носила различные формы. Достаточно сказать, что только в армии Врангеля, обосновавшегося первоначально на Балканах, действовала Академия Генерального штаба и несколько военных училищ. Врангель рассчитывал, что в случае вооруженной интервенции в Советскую Россию его войска «просто сметут прибалтийские страны для завоевания плацдарма против большевиков». Одновременно белая эмиграция планировала террористические акты против советских руководителей в самой стране и ее представителей за рубежом.

Важная роль в реализации планов белогвардейской эмиграции отводилась спецслужбам Врангеля. Его разведка в ту пору располагалась в Белграде и ею руководил бывший жандармский генерал Е. К. Климович. До 1920 года он возглавлял врангелевскую контрразведку и прославился своей жестокостью в Крыму. Накануне штурма Перекопа Красной Армией по приказу этого генерала были расстреляны тысячи человек, заподозренных в «симпатиях к большевикам».

После эвакуации армии Врангеля из Крыма в Турцию белая эмиграция создала в Константинополе «паспортно-пропускное отделение», возглавляемое генералом Глобачевым, которое занималось ведением разведки против Советской России. Врангелевскую контрразведку – Сыскное бюро – в этой стране возглавлял бывший начальник сыскной полиции в Москве Кошко. Следует отметить, что и в других белогвардейских формированиях за рубежом также имелись собственные спецслужбы, которые, помимо ведения разведывательной работы, занимались организацией террористических акций на территории Советской России и против ее представителей за рубежом.

Свидетельством тому служит убийство советского представителя в Женеве В. В. Воровского, осуществленное белым эмигрантом Конради. Позднее выяснилось, что

за спиной террориста стояли главари белой военной эмиграции генералы А. В. Туркул и А. П. Кутепов.

В марте 1922 года Соломон Григорьевич Могилевский получил новое ответственное назначение. Поскольку он имел большой опыт контрразведывательной работы, по предложению Ф. Э. Дзержинского его назначили полномочным представителем ГПУ в Закавказье, председателем Закавказской ЧК и одновременно командующим внутренними и пограничными войсками Закавказской Федерации. В конце 1923 года Могилевский становится членом Коллегии теперь уже Объединенного Государственного политического управления при СНК СССР.

Чекисты Закавказья под руководством Могилевского провели успешные операции по ликвидации политического и уголовного бандитизма в регионе, вскрыли контрреволюционную деятельность бюро ЦК грузинских меньшевиков и Закавказского бюро эсеров, пресекли враждебную деятельность ряда агентов английской, американской и французской разведок. Летом 1924 года Могилевский руководил ликвидацией меньшевистского восстания в Грузии.

За большие заслуги перед Родиной Соломон Могилевский в 1924 году был награжден орденом Красного Знамени.

В марте 1925 года в Сухуми должен был состояться съезд Советов Абхазии. На него были приглашены заместитель председателя Совнаркома Закавказской Федерации Александр Мясников (Мясникян), председатель Закавказской ЧК Соломон Могилевский и заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции в Закавказье Георгий Атарбеков, бывший в прошлом начальником Особого отдела 11#й армии.

Георгию Атарбекову, работавшему ранее в Закавказской ЧК, было кое-что известно о темном прошлом заместителя председателя Грузинской ЧК – начальника секретно-оперативной части Лаврентия Берии, в частности, о его сотрудничестве с разведслужбами мусаватистов в Баку. Своими подозрениями Атарбеков поделился с Мясниковым, который всячески препятствовал продвижению Берии по служебной лестнице, и с Могилевским, который в свою очередь заинтересовался прошлым этого деятеля.

Особенно Берия опасался Атарбекова, который хотя и ушел из Закавказской ЧК, но с его мнением бывшие коллеги всегда считались. Атарбеков уже несколько лет присматривался к Берии. Первая их встреча состоялась в 1921 году, когда Атарбеков приехал в Баку в качестве особоуполномоченного ВЧК. Встречавший Атарбекова председателем Азербайджанской ЧК Багиров познакомил его со своим заместителем Берией, который тогда работал в Баку. Когда Багиров представил Атарбекову Берию в качестве бывшего подпольщика, Георгий Александрович весьма этому удивился, поскольку о подпольной деятельности Берии он ничего ранее не слышал, и решил с этим разобраться.

Однако в то время в Закавказье шла Гражданская война, Атарбеков был назначен председателем ревкома северных районов Армении, и ему было не до темного прошлого Берии. К тому же Мирджафар Багиров благоволил Лаврентию Берии и прикрывал его. Когда в 1922 году Могилевский был назначен полномочным представителем ГПУ в Закавказье, Атарбеков поделился с ним своими подозрениями в отношении Берии, который к тому времени уже занимал руководящую должность в Грузинской ЧК:

– Непонятная личность, столько о нем говорят нехорошего, а как попробуешь в том удостовериться – то свидетель исчезает, то документ пропадет. Словом, мистика какая-то!

– Ничего, Георгий Александрович, все выясним, дай только время, – заверил в ответ Могилевский.

Когда в том же году Закавказской ЧК потребовался человек, хорошо владеющий грузинским языком, для перевода подпольной меньшевистской литературы, была предложена

кандидатура Берии. Однако Могилевский не согласился с этой кандидатурой, сказав, что попросит ЦК компартии Грузии выделить коммуниста-переводчика.

Зная о недоверии к себе со стороны Мясникяна, Атарбекова и Могилевского, которые подозревали его в нечистоплотности и могли разоблачить его темное прошлое, Лаврентий Берия, видимо, решил действовать. Ведь полет этих трех лиц на одном самолете в Сухуми представлял идеальный случай избавиться одним махом от людей, которые ему не доверяли.

…Утром 22 марта авиаспециалисты тщательно готовили к полету «Юнкерс#13». На нем был заменен пропеллер, опробованы работа мотора и рули управления. В 10 часов утра «юнкерс» к вылету был готов. В 11.30 на аэродром прибыли Мясников, Атарбеков и Могилевский. Последний не хотел лететь в Сухуми, ссылаясь на большую загруженность по работе. Однако Атарбеков уговорил его. В 11.45 аэроплан взлетел с аэродрома. По наблюдениям с земли, «полет совершался в нормальных условиях, и мотор работал хорошо». Но уже в 12.05 дежурному по аэродрому позвонили с телефонной станции Тифлиса и сообщили, что «юнкерс» загорелся, пламя достигает высоты четырех метров. Аэроплан повернул на юг, в сторону Дидубийского ипподрома. Не долетев до него полторы версты, «юнкерс» стал снижаться, и из кабины выпрыгнули Атарбеков и Могилевский. Аэроплан ударился о землю и взорвался.

Была создана правительственная комиссия по расследованию причин авиакатастрофы. Возглавлял ее командарм Кавказской армии Август Корк. Комиссия пришла к выводу, что катастрофа произошла не из-за неисправности аэроплана, а в результате пожара в пассажирском салоне. Однако по Тифлису поползли слухи, что эта катастрофа была кем-то подстроена. Была создана вторая комиссия под председательством того же командарма Корка, которая подтвердила прежние выводы. Берия, работавший в Грузинской ЧК, всячески противился созданию новой комиссии для расследования авиакатастрофы, заявляя, что «верит товарищу Корку».

Слухи о катастрофе дошли до Москвы, и Сталин распорядился проверить заключение комиссии. В Тифлис прибыл начальник оперативно-технического отдела ОГПУ В. Паукер, которому Сталин в то время полностью доверял. Он сразу же набросился на Берию с упреками:

– Почему уничтожены улики?

– А их и не было, – хладнокровно парировал Берия. – Все, что мы могли собрать, собрали. Вам, конечно, было бы это сделатьлегче, у вас опыт и знания. А откуда такие знания у моих людей?

Берия свалил вину за авиакатастрофу на грузинских меньшевиков, восстание которых против советской власти было недавно подавлено. В этом ему невольно помог и Лев Троцкий, отдыхавший в ту пору в Сухуми. Прибыв в столицу Грузии, он заявил, что, мол, надо спросить о причине гибели троих товарищей у грузинских меньшевиков.

На этом расследование причин катастрофы «юнкерса», в которой погиб Соломон Могилевский и его соратники, закончилось. В день авиакатастрофы члены Коллегии ОГПУ Дзержинский, Менжинский, Манцев и Павлуновский от имени всех чекистов телеграфировали в Полномочное представительство ОГПУ по Закавказью:

«Коллегия ОГПУ с большим прискорбием встретила весть о трагической смерти заслуженного бойца-чекиста, погибшего на посту председателя Зак. ЧК и ПП ОГПУ по Закавказью тов. Могилевского. Эта тяжелая утрата надолго останется в памяти всех чекистов и одновременно еще больше сплотит боевые чекистские ряды. Коллегия ОГПУ просит возложить венок на могилу тов. Могилевского с надписью: “Верному, стойкому стражу революции тов. Могилевскому – Коллегия ОГПУ”».

В 1930#е годы, став неограниченным хозяином в НКВД, Лаврентий Берия ликвидировал практически всех лиц, которым было хотя бы что-то известно об авиакатастрофе или

о недоверии к нему со стороны Атарбекова и Могилевского. Чудом уцелел лишь Мурза Айдамиров, работавший в Азербайджанской ЧК с первых дней ее существования и лично знавший всесильного наркома внутренних дел. Он-то и поведал историю гибели Соломона Могилевского писателю Виктору Джанибекяну.

Глава 4
Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович

В марте 1922 года начальник Иностранного отдела ГПУ Соломон Григорьевич Могилевский был назначен полномочным представителем ГПУ в Закавказье и одновременно председателем Закавказской ЧК. По предложению Дзержинского пост руководителя внешней разведки занял начальник её закордонной части Михаил (Меер) Абрамович Трилиссер. В этой должности он успешно проработал до конца октября 1929 года, что в те времена было своего рода рекордом, и оставил яркий след в истории внешней разведки органов госбезопасности.

Меер Трилиссер родился 1 апреля 1883 года в Астрахани в семье мелкого ремесленника. Многодетная еврейская семья не отличалась особым достатком, поэтому Меер уже в детские годы познал нужду и столкнулся с жестокой социальной несправедливостью в царской России. В 10 лет его отдали в городское реальное училище, дававшее среднее образование и основы коммерческой деятельности. После его окончания 17#летний юноша в поисках лучшей доли уехал на заработки в Одессу.

Член партии большевиков с 1898 года, Герой Социалистического Труда Ф. Н. Петров, рассказывая о Трилиссере, писал 16 августа 1963 года в газете «Правда»:

«Большую роль в росте его революционного сознания сыграли брат В. И. Ленина – Д. И. Ульянов и Р. С. Землячка, создавшие в 1901 году в Одессе искровскую организацию. В неё вступил и приехавший сюда после окончания астраханского городского училища Трилиссер. Скоро последовало и первое боевое крещение: арест и ссылка в Астрахань».

В 1901 году Меер вступил в члены Южной революционной группы социал-демократов. В том же году был арестован за революционную деятельность и выслан под гласный надзор полиции по месту рождения – в Астрахань. Здесь 19#летний революционер помогает в организации подпольной типографии, руководит рабочими кружками.

Весной 1904 года Меер Трилиссер по заданию ЦК РСДРП объезжает ряд городов Урала с целью создания единого Средне-Уральского комитета РСДРП. Его снова арестовывают, заключают в пермскую, а затем, с апреля 1905 года, переводят в астраханскую тюрьму. Однако вскоре Трилисеру удается тайно уехать в Самару, а оттуда – в Казань, где он, как и в Самаре, избирается в состав городского комитета РСДРП.

Во время революции 1905 года Трилиссер находился в Казани, где вел революционную пропаганду среди военнослужащих Казанского гарнизона. Затем по указанию ЦК партии большевиков был направлен в Петербург, где избран членом Петербургского комитета РСДРП. Одновременно работал в военном комитете ЦК РСДРП, где руководил финляндской военной организацией партии. Являлся одним из организаторов Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе (Тампере), состоявшейся в ноябре 1906 года. Конференция создала бюро военных и боевых организаций партии, в состав которого вошел и Трилиссер. Он руководил восстанием военных моряков в Свеаборге.

Вскоре жандармы снова напали на след Трилиссера. В августе 1907 года он был арестован царской полицией, препровожден в Шлиссельбургскую крепость для особо опасных преступников и около двух лет находился под следствием.

В ходе следствия было установлено, что в декабре 1906 года он организовал побег с гарнизонной гауптвахты города Выборга около сотни революционно настроенных солдат и матросов, содержавшихся там в ожидании суда за участие в вооруженном восстании.

Вначале жандармским управлением были получены сведения, что организатор побега заключенных проходит по делам охранки под псевдонимами «Анатолий», он же «мещанин Стольчевский», он же «Капустянский», «Мурский» и «Павел-очки», а также приметы моло-

дого человека: «среднего роста, еврейского типа, черные волосы, пользуется пенсне, одевается в черное пальто, под которым носит косоворотку синего цвета».

Вскоре подлинные фамилия и имя революционера были выявлены. В донесении жандармского полковника Яковлева в департамент полиции, помеченном: «Весьма нужное. Совершенно секретное», сообщалось, что «организатор побега – главный руководитель финлядской военной организации РСДРП(б), уроженец Астрахани Михаил (Меер) Трилиссер».

В 1910 году Трилиссер был приговорен к восьми годам каторжных работ.

Предоставим вновь слово Ф. Н. Петрову:

«Мы, каторжане Шлисссельбургской крепости, восхищались его мужеством и стойкостью, с которой он переносил жестокие условия этого страшного царского застенка».

В ноябре 1914 года Трилиссер был освобожден из заключения в крепости и отправлен на вечное поселение в Сибирь.

После Февральской революции 1917 года Трилиссер был амнистирован и переехал в Иркутск. Там он работает редактором местной газеты «Голос социал-демократа», а затем по решению партии возглавляет военную организацию Иркутского комитета большевиков. В марте 1917 года назначается секретарем Иркутского совета, в октябре того же года на 1#м Общесибирском съезде Советов избирается членом ВЦИК Центросибири и одновременно становится членом губкома РСДРП(б).

С победой Октябрьской революции Трилиссер принимает активное участие в установлении советской власти в Сибири. Он входит в состав Оперативного штаба частей Красной гвардии Иркутска, а затем становится во главе местных органов ЧК. Организует борьбу с контрреволюцией и саботажем, участвует в подавлении юнкерского мятежа в Иркутске в декабре 1917 года.

После мятежа чехословацкого корпуса и военного переворота, осуществленного летом 1918 года адмиралом Колчаком, в Сибири ликвидируется советская власть и устанавливается белогвардейская диктатура. Трилиссер вместе с другими революционерами-большевиками уходит в подполье и переезжает на Дальний Восток, в город Благовещенск. Там он входит в состав коллегии советского военного комиссариата по Восточной Сибири и Забайкалью.

С образованием в 1921 году буферного государства – Дальневосточной республики (ДВР) – Трилиссер назначается комиссаром по Амурской области, избирается членом Дальневосточного бюро РКП(б) и входит в руководящий состав Государственной политической охраны (ГПО) ДВР, выполнявшей функции контрразведки этой буферной республики. В рамках ГПО он создает первую на советском Дальнем Востоке специальную шифровальную службу для связи с Москвой и начинает формировать разведывательный агентурный аппарат.

Вскоре в центральный аппарат ВЧК в Москве из Дальневосточной республики начинают постоянно поступать шифрованные телеграммы о служебных переговорах Трилиссера с командованием Красной Армии, действовавшей против взбунтовавшегося чехословацкого корпуса и японских воинских подразделений, о планах Японии, США и белогвардейцев на Дальнем Востоке. Приведем одно из сообщений Трилиссера в Центр того периода:

«Получил информацию, что японское командование выдвигает вопрос о мирных переговорах. Местом встречи предполагается Харбин. Противник поспешно отступает, взорвав водокачку и разобрав железнодорожные пути. Нельзя ли получить аэроплан для ведения разведки?»

Сведения, получаемые от Трилиссера, представляют интерес не только для ВЧК, но и для Народного комиссариата по иностранным делам. Нарком Г. В. Чичерин шлет ему теле-

грамму, в которой, в частности, говорится: «Ваша энергичная деятельность и принятые меры всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

После изгнания интервентов с советского Дальнего Востока Трилиссер избирается секретарем Амурского обкома партии и одновременно является редактором газеты «Амурская правда». В марте 1921 года в качестве делегата от коммунистов Забайкалья он участвует в работе X съезда РКП(б), провозгласившего новую экономическую политику (НЭП) и создавшего условия для перехода большинства крестьянства на сторону большевиков.

В последние дни работы съезда Трилиссеру предложили занять должность заведующего Дальневосточным отделом Исполкома Коминтерна. Однако проработал он на этой должности всего несколько месяцев.

Уже в августе 1921 года с Трилиссером встретился Дзержинский и предложил ему перейти на работу в ВЧК, в Иностранный отдел. Трилиссер, имевший опыт агентурной работы на Дальнем Востоке, согласился. Он был назначен начальником закордонной части Иностранного отдела ВЧК.

В то время помимо закордонной части разведки, которая действовала за рубежом, разведку сопредельных стран вели полномочные представительства ВЧК – ГПУ, а затем ОГПУ в приграничных районах – в Белоруссии, на Украине, в Закавказье, Средней Азии, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Они имели право направлять свою агентуру в сопредельные страны. Подобная система деления разведки на закордонную и внутреннюю существовала до 1930 года и была упразднена в связи с реорганизацией органов госбезопасности.

Когда Трилиссер пришел в отдел, весь его состав размещался в одной большой общей комнате. Ему предстояло организовать разведывательную работу в странах Восточной и Западной Европы. В декабре 1921 года Трилиссер становится вторым лицом в Иностранном отделе – заместителем его начальника С. Г. Могилевского.

6 февраля 1922 года декретом ВЦИК РСФСР упраздняется ВЧК. На ее базе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. А 13 марта Трилиссер назначается начальником Иностранного отдела ГПУ, сменив на этом посту, как мы отмечали выше, Могилевского, возглавившего чекистов Закавказья.

С приходом Трилиссера к руководству внешней разведки молодого государства начался, по сути дела, новый профессиональный период ее деятельности. Разведка стала работать в полную силу: сказывался опыт агентурной работы ее нового руководителя.

В 1922 году Гражданская война закончилась на всей территории России. Страна получила мирную передышку, которую необходимо было использовать для восстановления разрушенного хозяйства. В. И. Ленин неоднократно предупреждал в те годы, что Россия получила не мир, а только мирную передышку, которая продлится не более двадцати лет. Его предвидение оправдалось: в новую мировую войну Советская Россия, вернее СССР, была втянута через девятнадцать лет – в 1941 году.

Внутри страны по предложению В. И. Ленина осуществлялся НЭП. Советская Россия нуждалась в иностранных специалистах, оборудовании, технологиях, капиталах. Их можно было получить в европейских странах, прежде всего в Германии, которая, подобно Советскому Союзу, также находилась в изоляции.

Как мы уже отмечали, с 10 апреля по 19 мая 1922 года в Генуе состоялась международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. В конференции принимали участие делегации 29 государств, в том числе – Советской России, а также представители пяти британских доминионов.

В ходе Генуэзской конференции российским дипломатам, сыгравшим на противоречиях в капиталистическом лагере, удалось прорвать единый фронт империалистических государств, пытавшихся добиться дипломатической изоляции Советской России.

16 апреля 1922 года в пригороде Генуи – Рапалло представители советского правительства подписали с Германией договор об установлении дипломатических и экономических отношений.

Подписанием этого договора Германия, в частности, разорвала внешнеполитическую изоляцию, в которой она оказалась из-за навязанной ей Антантой в результате Первой мировой войны версальской системы. Для Советского государства в то же время Рапалльский договор означал первое официальное признание великой державой.

Открытие дипломатического представительства Советской России в Берлине создало необходимые условия для организации в Германии нашей «легальной» резидентуры. В течение 1922 года в Берлине существовала общая резидентура разведок ГПУ и РККА, но уже в 1923 году произошло их разделение.

Берлинская резидентура ГПУ была важнейшей резидентурой в Европе. Через Берлин Иностранный отдел ГПУ во главе с Трилиссером осуществлял руководство разведывательной работой не только в Германии, но и во Франции, Англии и на Балканах.

Вскоре новую власть в нашей стране были вынуждены признать и Англия с Францией, ранее организовавшие против нее иностранную интервенцию. Британское лейбористское правительство признало Советское государство в 1924 году. В 1927 году консервативное правительство страны разорвало дипломатические отношения с СССР. Они были вновь восстановлены лейбористами в 1929 году.

Во время разрыва дипломатических отношений с Англией, когда там не было нашей резидентуры, руководство агентурной сетью на британской территории осуществлялось непосредственно из Берлина.

Выход Советской России на международную арену конкретезировал перед её внешней разведкой задачи и цели.

Так, в Положении о закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

– разработка спецслужб противника, занимающихся шпионажем против нашей страны;

– выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций и групп, ведущих подрывную деятельность против Советской России;

– установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

– освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;

– добывание документальных материалов по всем направлениямработы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

– контрразведывательное обеспечение советских учреждений играждан за границей.

С целью качественного улучшения деятельности центрального аппарата разведки в новых условиях Трилиссер пригласил на работу в ИНО большую группу своих соратников по подпольной работе в военной организации партии, а также по работе на Дальнем Востоке в период Гражданской войны. Двое из них – Сергей Георгиевич Вележев, с которым Трилиссер работал в Сибири в 1917–1918 годах, а также его соратник по дореволюционному подполью Владимир Владимирович Бустрем – стали его заместителями. Ответственные посты в Иностранном отделе заняли Яков Григорьевич Минскер, Яков Михайлович Бодеско и другие опытные чекисты, которых Трилиссер хорошо знал и которым доверял.

При Трилиссере штаты внешней разведки были значительно расширены (122 сотрудника центрального аппарата и 62 – за границей). В закордонной части ИНО стало шесть географических отделов. Работникам зарубежных резидентур ИНО была предоставлена большая свобода в вербовке агентуры, а резиденты имели право включать их в агентурную сеть без согласования с Центром. Формируя штаты ИНО, Трилиссер обращал особое внимание на профессиональную подготовку сотрудников, знание ими иностранных языков, умение работать с агентурой, приспосабливаться к быстро меняющимся условиям.

Для выполнения поставленных перед внешней разведкой задач Трилиссер создает новые закордонные аппараты и комплектует их грамотным оперативным составом. Под его руководством были образованы резидентуры ИНО в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Риме. На Востоке – в Токио, Пекине, Харбине, Сеуле – были созданы нелегальные резидентуры. В короткое время была образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и в важных правительственных учреждениях ряда стран. Внешняя разведка госбезопасности приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства страны.

В 1922 году в Берлине была создана первая «легальная» резидентура ИНО ГПУ под руководством Бронислава Брониславовича Бортновского. Она располагала весьма ценными источниками информации по самой Германии, а также другим странам. В Центр направлялись, в частности, ежемесячные доклады министерства государственного хозяйства Германии об экономическом положении страны, сводки главного управления берлинской полиции (полицай-президиума) о внутриполитическом положении Германии и деятельности основных политических партий. Резидентура добывала ценные сведения о позиции Франции в отношении Советской России, материалы по Польше. Центр высоко оценивал деятельность своей берлинской резидентуры. В заключении о работе ее аппарата говорилось: «Материалы дипломатического характера очень интересны, в большинстве своем вполне заслуживают внимания».

В Центр мощным потоком пошла разведывательная информация, в первую очередь – о замыслах вооруженной эмиграции и ее связях со спецслужбами иностранных государств.

Как видно из приведенного выше документа, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место.

Кроме того, в Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА.

Борьба с вооруженной эмиграцией имела в те годы приоритетное значение для всего ГПУ, включая его Иностранный отдел. 11 января 1923 года решением Политбюро ЦК РКП(б) в недрах ГПУ было создано межведомственное Особое бюро по дезинформации во главе с членом ЦК, заместителем председателя ГПУ Иосифом Станиславовичем Уншлихтом «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств о внутренней и внешней политике СССР, а также о состоянии его вооруженных сил и мероприятиях по обороне Республики». В состав Особого бюро входили представители ГПУ, Разведотдела Штаба РККА и НКИД. На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств. Так организационно оформилось одно из важнейших направлений деятельности внешней разведки того периода. Особое бюро по дезинформации сыграло важную роль в подготовке и проведении таких знаменитых операций органов госбезопасности, как «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла». Всего спецопераций, в разработке

которых принимал непосредственное участие Трилиссер, было реализовано более пятидесяти. Следует отметить, что в осуществлении ряда операций, например против Русского общевоинского союза (РОВС), важную роль сыграли бывшие царские генералы Павел Дьяконов и Николай Скоблин, а также бывший министр Временного правительства Сергей Третьяков. Расскажем об одном из них.

РАЗВЕДЧИК ПАВЕЛ ДЬЯКОНОВ

Октябрьская революция 1917 года развела офицеров и генералов старой русской армии по разные стороны баррикад. Часть из них приняла советскую власть. Некоторые патриотически настроенные кадровые военные, волей судьбы оказавшиеся за пределами родины, стали сотрудничать с внешней разведкой молодого Советского государства и внесли значительный вклад в обеспечение его безопасности. Среди таких патриотов достойное место занимает представитель первого поколения советских разведчиков – Его Императорского Величества Генерального штаба Российской армии генерал-майор Дьяконов.

Мартовским вечером 1924 года в вестибюль советского посольства на улице Гренель в Париже вошел среднего роста худощавый господин, одетый в плащ и дорогой темный костюм-тройку. Обратившись к дежурному дипломату, он попросил о немедленной встрече с советским послом:

– Речь идет о военном заговоре против республики Совдепов. Я – один из непосредственных участников этого заговора. Меня зовут Павел Павлович Дьяконов.

Слово «заговор» подействовало, и гостя сразу же провели в отдельный кабинет, где с ним встретился резидент ИНО ОГПУ. Он попросил Павла Павловича изложить на бумаге ставшие известными ему сведения. Через некоторое время сообщение Дьяконова с соответствующими комментариями резидента было доставлено дипкурьером в Москву. Ознакомившись с ним, руководитель внешней разведки Трилиссер отметил:

«Генерал очень вовремя напомнил о себе. Его сообщению можно верить: он честный служака, в расстрелах и казнях не замешан. Его информация вполне достоверна и перекрывается сведениями из других источников. Впрочем, прежде чем довериться Дьяконову, нам следует его хорошенько изучить: как-никак – это один из видных членов РОВС…»

В материале Дьяконова содержалась исключительно важная информация о программе тотального террора за пределами СССР против советских граждан и учреждений, которую намеревались осуществить боевики Русского общевоинского союза.

Террор и диверсии стали к тому времени главным оружием этой организации, ставившей своей целью свержение большевистского режима. В сообщении Дьяконова также указывалось, что руководство РОВС одновременно приняло решение готовить в западноевропейских городах, где имелись филиалы организации, «тройки» и «пятерки» террористов для заброски непосредственно на советскую территорию с целью проведения там терактов и организации вооруженных выступлений населения.

Имя генерал-майора Дьяконова, бывшего российского военного атташе в Великобритании, было хорошо известно руководству внешней разведки. Поэтому в Москве к его информации отнеслись исключительно внимательно. На следующий день на стол начальника Иностранного отдела легли материалы на Дьяконова, которыми располагал Центр.

«Павел Павлович Дьяконов родился 4 февраля 1878 года в городе Москве в семье военнослужащего.

С 17 лет он связал свою жизнь с армией. После завершения в 1895 году учебы в Московской практической академии коммерческих наук он поступил вольноопределяющимся в 5#й гренадерский Киевский полк, став кадровым военным. С отличием окончил Казанское

пехотное юнкерское училище, а в 1905 году – Николаевскую Академию Генерального штаба. Принимал участие в Русско-японской войне.

До конца 1913 года Дьяконов работал на различных должностях в Главном управлении Генерального штаба. В июле 1914 года был назначен помощником военного атташе в Лондоне. При этом было учтено безупречное знание им английского, немецкого и французского языков. В начале Первой мировой войны Дьяконов подал рапорт с просьбой о переводе в действующую армию, и в сентябре 1914 года был направлен на фронт.

В январе 1916 года полковник Дьяконов был назначен командиром 2#го Особого полка русского экспедиционного корпуса, отправленного во Францию. Принимал активное участие в сражениях против немцев. Его боевые заслуги были отмечены семью высшими русскими и пятью иностранными орденами, в том числе – французским офицерским крестом Почетного легиона, что давало ему право на получение французского гражданства.

В начале 1917 года Дьяконов был переведен на работу в Генеральный штаб. По представлению начальника Генерального штаба за боевые отличия был произведен Николаем II в генерал-майоры. В сентябре того же года откомандирован в Лондон для исполнения обязанностей военного атташе, где оставался до 1 мая 1920 года. После закрытия аппарата российского военного атташе в Великобритании в мае 1920 года переехал на постоянное жительство во Францию.

В белогвардейском движении на территории России не участвовал. Ни он, ни члены его семьи никогда не высказывали враждебных намерений против новой власти в России»…

Последние строчки Трилиссер подчеркнул жирной чертой, а в левом углу документа написал: «Провести с генералом Дьяконовым доверительную беседу и выяснить его дальнейшие намерения».

Резидент ИНО ОГПУ провел в Париже очередную встречу с генералом. В ходе беседы Дьяконов рассказал, что планами РОВС активно интересуется великий князь Кирилл Владимирович, который просил генерала постоянно снабжать его информацией о деятельности этой организации. Он отметил, что князь хочет знать все, что Кутепов и его боевики замышляют против русских монархистов.

Чистота помыслов генерала Дьяконова не вызывала сомнений у резидентуры. Русский патриот отдавал себе отчет в том, что реализация планов РОВС по организации нового крестового похода против большевиков, за которыми пошло абсолютное большинство русского народа, приведет к новым потокам крови на его родине. Поэтому такие планы контрреволюции не вызывали поддержки у генерала.

Так царский профессиональный разведчик П. П. Дьяконов стал активно сотрудничать на патриотической основе с советской внешней разведкой. В письме на имя руководства разведки, он написал:

> «Настоящим я заявляю, что, будучи в прошлом человеком, враждебно настроенным по отношению к советской власти, в настоящее время я решительно изменил свое отношение к ней.
>
> Желая доказать свою преданность советскому правительству, я добровольно и сознательно беру на себя обязательство своевременно его информировать о деятельности правых (антисоветских) партий и контрреволюционных групп.
>
> Обязуюсь охранять, защищать и служить интересам Союза Советских Социалистических Республик и его правительства.
>
> *П. Дьяконов.*
>
> *Париж, март 1924 г.».*

Советский разведчик Дьяконов успешно выполнял задания Центра по разложению Русского общевоинского союза, осуществлявшего подготовку и заброску на территорию СССР террористических групп. От него также поступала важная информация о деятельности кирилловских белогвардейских организаций и французской военной разведки. Дьяконов принимал непосредственное участие в проведении операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова и в осуществлении ряда оперативных комбинаций. В частности, в результате одной из таких комбинаций французскими властями был арестован адъютант Великого князя Кирилла Владимировича и руководитель белогвардейской организации младороссов Казем-бек.

В начале 1930#х годов, когда М. А. Трилиссер уже не являлся руководителем внешней разведки, Дьяконов сообщил о том, что группа бывших царских генералов во главе с Антоном Туркулом установила связь с лидером германских нацистов Адольфом Гитлером, у которого ищет финансовой помощи и политической поддержки. Он подчеркнул, что Туркул и его сообщники имеют высокопоставленных покровителей во французском Генштабе.

По поручению Центра Дьяконов довел до сведения Второго бюро Генерального штаба французской армии (военная разведка), с представителями которого он поддерживал служебные контакты в годы Первой мировой войны, сведения о профашистски настроенных белогвардейских офицерах и генералах. Незадолго до начала Второй мировой войны французские власти, которым генерал Дьяконов предоставил соответствующие документы, выслали из Франции большую группу прогерманского крыла русской эмиграции во главе с генералом Туркулом. Высылка этих лиц ослабила «пятую колонну» фашистов во Франции. Руководство французской военной разведки в этой связи письменно сообщило генералу Дьяконову: «Ваша информация о русских, которые известны своими немецкими симпатиями, чрезвычайно ценна для Франции. Мы высоко оцениваем наше сотрудничество».

В период гражданской войны в Испании Дьяконов неоднократно выезжал туда с исключительно важными специальными разведывательными заданиями Москвы.

После оккупации Франции фашистскими войсками Дьяконов был арестован и подвергнут допросам. Немцев в первую очередь интересовали его поездки в Испанию. На допросах он вел себя мужественно и стойко. Сорок три дня провел Павел Дьяконов в фашистском застенке.

Поскольку накануне вторжения гитлеровцев во Францию Павлу Павловичу и его дочери, которая также была арестована, было предоставлено советское гражданство и они получили советские паспорта, Народный комиссариат иностранных дел СССР потребовал от германских властей незамедлительно освободить арестованных во Франции советских граждан. Германское военное командование в Париже было вынуждено выполнить это требование. В конце мая 1941 года Павел Павлович Дьяконов и его дочь Мария Павловна вернулись на родину.

После нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз генерал и его дочь как лица, недавно вернувшиеся из-за границы, были арестованы «по подозрению в поддержании связи с иностранными разведками и шпионаже против СССР». После первых допросов Дьяконов написал наркому внутренних дел:

> «За 17 лет заграничной работы мне пришлось выполнить много ответственных заданий. За эту работу я получал только благодарности. В голове моей не укладывается, как могли меня всерьез подозревать в преступной деятельности против родины. Излишне говорить, какую нравственную боль мне причинило такое подозрение».

Неожиданно письмо нашло адресата. Им оказался начальник внешней разведки НКВД П. М. Фитин. В рапорте, направленном в следственные органы, говорилось: «Дьяконов и его

дочь известны 1#му управлению НКВД. Управление считает необходимым их освободить». В октябре 1941 года Дьяконовы вышли на свободу.

Некоторое время они жили в эвакуации в Ташкенте, а затем переехали в киргизский город Кара-Су. Павел Павлович работал там в райпотребсоюзе.

В ноябре 1942 года Павел Павлович Дьяконов выехал с эшелоном в Москву, сопровождая грузы для Красной Армии. В дороге он тяжело заболел и на станции Челкар (Казахстан) был помещен в больницу, где 28 января 1943 года скончался.

* * *

Помимо работы по белогвардейской эмиграции, другим важным направлением деятельности внешней разведки при Трилиссере было получение за рубежом научно-технической информации.

Наиболее успешно в 1920#е годы научно-техническая разведка ИНО ОГПУ действовала в Германии. Так, в середине 1920#х годов советской разведке удалось получить ряд запатентованных химических технологий знаменитой компании «И. Г. Фарбениндустри»; сталеплавильной технологии концернов Круппа и крупнейшей сталеплавильной фирмы «Рейнметалл»; чертежи нового локомотива фирмы Борзига, крупнейшего производителя паровозов и железнодорожного оборудования в Германии.

26 октября 1925 года председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский направил в ИНО ОГПУ записку о создании при ИНО «органа информации о достижениях заграничной техники». В соответствии с этой запиской 5 марта 1926 года Военно-промышленное управление ВСНХ разработало для ИНО «Перечень вопросов для заграничной информации», который, по существу, являлся заданием правительства СССР по добыче технической документации и образцов по оборонной тематике. Для решения этого задания в ИНО было создано самостоятельное отделение научно-технической разведки. К концу 1920#х годов сотрудники научно-технической разведки добыли, в частности, информацию об испытаниях новейшей авиационной техники, артиллерийских систем, военной радиоппаратуры, о переработке нефти, а также по многим другим проблемам.

Не менее важное значение для СССР имела и добываемая под руководством Трилиссера информация о планах и намерениях противника в области экономики. Еще накануне Генуэзской конференции 1922 года закордонные резидентуры получили информацию о том, что страны Антанты пытаются поставить РСФСР в условия международной изоляции. Кроме того, из Парижа пришла информация о готовящемся террористическом акте белогвардейцев против главы советской делегации на конференции. Из Берлина на имя Трилиссера поступила телеграмма следующего содержания:

«По достоверным данным, Российский торгово-промышленный и финансовый союз в Париже, объединяющий крупнейших финансовых тузов царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических акций против руководящих российских деятелей. Для специальной задачи выделяется фонд в полтора миллиона франков».

Перепроверка поступивших сведений показала, что во главе заговорщиков стоял известный террорист Борис Савинков, находившийся на содержании британской и французской разведок. Благодаря принятым мерам готовившаяся им террористическая акция против главы советской делегации Г. В. Чичерина была сорвана. Не удалось странам Антанты добиться и международной изоляции Советской России в Генуе. Как мы отмечали выше, советская делегация заключила в Рапалло (пригород Генуи) договор с Германией об установлении дипломатических и экономических отношений. Международная блокада Совет-

ской России была прорвана, и вскоре западные государства, одно за другим, признали СССР и стали активно устанавливать с нашей страной торгово-экономические отношения.

Такое развитие событий поставило на повестку дня создание экономической разведки, призванной защищать интересы страны от недобросовестных коммерсантов, которые пытались, в частности в годы нэпа, получить в концессию советские предприятия и нажиться на них, не вложив в развитие производства ни гроша. Представители экономической разведки ИНО ОГПУ за рубежом внимательно изучали иностранные фирмы, предлагавшие различные сделки советской стороне, проекты их договоров, финансовое состояние, возможные связи с бывшими владельцами предприятий и т. п. На основе собранных и направленных в Центр сведений в Москве принималось решение по конкретным предложениям зарубежных партнеров.

Так, во время переговоров немецких предпринимателей, желавших вложить свои средства в получение концессии от треста «Северлес» на вырубку леса, экономическая разведка установила, что германская фирма необходимыми реальными капиталами не располагает. Она планирует получить концессию, чтобы перепродать ее другой фирме и извлечь комиссионную прибыль. Информация была доложена Главному концессионному комитету при Совете народных комиссаров, который отказал в предоставлении немецкой фирме концессии на вырубку леса.

Другой важной задачей экономической разведки в начале 1920#х годов была борьба с фальшивомонетчиками, которые пытались наводнить советский рынок фальшивыми червонцами, так как эта валюта имела золотое обеспечение и котировалась на европейских биржах. Так, в 1924 году сотрудники экономического отделения ИНО ОГПУ установили агентурным путем, что одна из таких «фабрик» по производству фальшивых денежных знаков находится в Польше. Поначалу она располагалась в захваченном белополяками литовском городе Вильно, а затем была переведена в Варшаву. Оттуда при попустительстве польских властей фальшивые червонцы переправлялись на территорию СССР. Благодаря принятым мерам, этот канал был перекрыт.

Председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский мог с уверенностью опираться на информацию, поступавшую из зарубежных резидентур ИНО. Он часто направлял Трилиссеру официальные запросы по тем или иным проблемам. Приведем один из таких документов:

«Тов. Трилиссеру.

Просьба составить мне сводку (которую можно будет потом пополнять) всех махинаций Англии против нас после падения Макдональда – по нашим и комиссариата иностранных дел данным. Я думаю с этим вопросом выйти в Политбюро. По-моему, надо образовать секретный комитет противодействия этим английским махинациям путем целого ряда мер не только дипломатических, но экономических, чекистских и военных.

Ф. Дзержинский».

Будучи начальником Иностранного отдела, Трилиссер продолжал сам возглавлять его закордонную часть. Он принимал непосредственное участие в оперативной деятельности ИНО.

…Разведке предстояло восстановить связь с одним из своих ценных агентов в Германии. Поездке Трилиссера за кордон предшествовала большая подготовительная работа. В Берлин он ехал под видом специалиста по готике. Когда все детали операции были отработаны и приблизился день отъезда, выяснилось, что у начальника разведки имеется всего один костюм, в котором он ходит на работу, и синяя косоворотка. Разумеется, в таком «камуфляже» было весьма трудно выдавать себя за старорежимного профессора, знатока и ценителя германской готики.

Пришлось срочно сшить для Меера Абрамовича костюм и приобрести несколько галстуков европейского производства, которые, как оказалось, он не умел завязывать. Были куп-

лены рубашки и другие предметы туалета, необходимые для респектабельного человека. Перед отъездом из Москвы Дзержинский еще раз обговорил с начальником внешней разведки все детали предстоящей операции.

В Берлине Трилиссер конспиративно встретился с агентом. На встрече с источником он получил ценную документальную информацию о положении в Германии, сведения о доверительных связях иностранца в зарубежных странах. Агенту было поставлено новое задание, с ним были обговорены дальнейшие условия связи, а также перспективы его вывода в Москву для оперативной подготовки. Конспиративная связь с ценным источником информации была восстановлена. В годы Великой Отечественной войны этот агент активно участвовал в подпольном антифашистском движении.

Умелое руководство Трилиссером внешней разведкой принесло свои плоды. 26 марта 1926 года он становится членом коллегии – заместителем председателя ОГПУ, а с февраля 1928 года – одновременно и уполномоченным ОГПУ при Совете народных комиссаров СССР.

30 июля 1927 года Иностранный отдел был выделен из подчинения Секретно-оперативного управления ОГПУ, которым руководил Генрих Ягода, и стал самостоятельным подразделением, подчинявшимся непосредственно Коллегии ОГПУ.

Это был пик разведывательной карьеры М. А. Трилиссера.

Под его руководством внешняя разведка органов государственной безопасности добилась впечатляющих успехов. В частности, в 1927 году сотрудникам сеульской и харбинской резидентур практически одновременно удалось получить через свои агентурные возможности так называемый «меморандум Танаки» – сверхсекретное письмо премьер-министра Японии императору Хирохито, в котором были сформулированы основные направления внешней политики возглавляемого Танакой кабинета министров. В документе излагались планы оккупации Китая, Монголии, Индии, Малой и Центральной Азии, а также планы агрессии против Советского Союза.

Ценной агентурой располагали резидентуры ОГПУ в Берлине и Вене, на связи у которых были видные работники МИД и МВД этих стран. Источники важной информации имелись в Финляндии. Больших успехов в разработке вооруженной белогвардейской эмиграции добились резидентуры во Франции, Болгарии, Чехословакии, Турции и Китае. Много ценной агентуры было приобретено и в других странах.

В декабре 1927 года М. А. Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

Безусловно, в период руководства Трилиссером внешней разведкой, были в ее деятельности и провалы.

Так, в 1926–1927 годах произошло несколько провокаций против советских учреждений за границей, сопровождавшихся захватом полицией секретных документов Коминтерна в Лондоне, Пекине и Праге. В Пекине, например, полиция при налете на советское полпредство захватила инструкции Коминтерна китайским коммунистам. В них содержались указания по оказанию помощи «советским товарищам» в ведении разведывательной работы, описание оружия, завозимого в Китай, рекомендации по инспирированию конфликтов между местным населением и иностранцами, некоторые материалы о деятельности военной разведки.

Британская провокация против Аркоса

Аркос – советско-британское акционерное торговое общество, которое было учреждено в Лондоне в июне 1920 года советской кооперативной делегацией во главе с Л. Б. Красиным. Английское министерство торговли зарегистрировало его как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 году СНК РСФСР разрешил Аркосу

ведение торговых операций на территории Советской республики. Аркос стал крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии. К началу 1927 года оборот Аркоса превышал 100 миллионов фунтов стерлингов.

12 мая 1927 года британская полиция внезапно заблокировала все входы и выходы у дома № 49 по улице Мургейт, в котором размещался Аркос. Повальный обыск в помещениях акционерного общества продолжался несколько дней. Официальным предлогом для захвата Аркоса и обыска здания английское правительство и полиция объявили поиск особо секретного документа, якобы похищенного советской разведкой. Однако он не был обнаружен, и премьер-министр Стэнли Болдуин не смог позже убедительно доказать, что акция была оправданной.

Несколько советских сотрудников Аркоса пытались воспрепятствовать обыску, однако к ним была применена физическая сила, и они были жестоко избиты британской полицией. Во время обыска полицейские обнаружили, что советский шифровальщик Антон Мидлер сжигает в подвале секретные документы. Он был арестован и увезен в неизвестном направлении. В результате налета британская полиция захватила почту, другую документацию, а также шифры, которые использовались в переписке с Москвой.

Через девять дней, когда все советские служащие Аркоса были отозваны в Москву, владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в английском парламенте относительно судьбы А. Мидлера. В полученном от министра внутренних дел ответе говорилось, что касаться этого вопроса публично нецелесообразно.

События 12 мая вызвали политический кризис в стране. 26 мая премьер-министр Англии информировал советского поверенного в делах Розенгольца о том, что британское правительство разрывает дипломатические отношения с СССР. Сотрудники всех советских дипломатических и торговых миссий были высланы из страны. По словам премьер-министра, Великобритания пошла на такой шаг в связи с тем, что СССР «ведет антибританскую шпионскую деятельность и пропаганду». При этом Болдуин полностью игнорировал многочисленные факты, свидетельствовавшие о том, что сама Англия вела широкую подрывную деятельность против Советской России.

Так, всем нам со школьной скамьи известно стихотворение Маяковского, посвященное памяти советского дипкурьера Теодора Нетто, убитого ранним утром 5 февраля 1926 года в экспрессе Москва – Рига братьями Габриловичами. Однако мало кто знает, что это нападение было подготовлено и осуществлено британской разведкой СИС совместно с германскими и латвийскими спецслужбами, чтобы захватить советскую дипломатическую почту. Сами братья Габриловичи не догадывались об этом: им было сказано, что вализы «битком набиты деньгами». За спиной заговорщиков стояли сотрудник британской разведки Ллойд и сотрудник германской военно-морской разведки Гаазе. Последний также являлся одним из активных членов крайне правой германской организации «Консул», которая вела разведку против СССР с первых дней советской власти, а затем влилась в военную разведку абвер.

Позже берлинская резидентура ИНО ОГПУ оперативным путем получила текст письма, которое за три недели до убийства Нетто Ллойд направил другому заговорщику – Гаазе. В письме говорилось:

> «Рекомендованные вами два охотника (речь идет о братьях Габриловичах. – *Авт.*) произвели на меня хорошее впечатление. Не считаю целесообразным посвящать этих людей в мои планы и пока что проинструктировал их набрать еще кое-кого в помощь в моем охотничьем матче. Я серьезно рассчитываю, что мои большие надежды, вложенные в эту экспедицию, оправдают себя полностью».

Добропорядочные британские джентльмены, обеспокоенные ростом национально-освободительного движения в своих колониях и в 1923 году утопившие в крови народное восстание в Ирландии, предпочитали не замечать этих фактов, а также своей роли в убийстве советского дипкурьера. Они поспешили обвинить СССР во вмешательстве во внутренние дела Англии и разорвали с ним дипломатические отношения. Впрочем, эта грязная политическая акция подорвала доверие… сотрудников Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ) к правительству консерваторов, и с этих пор главная британская служба радиоперехвата предпочитала не делиться с ним получаемыми сведениями. Так, когда во время гражданской войны в Испании ПШКШ получила сведения об истинной военной мощи Германии и Италии, она не доложила эти сведения кабинету «мюнхенцев» во главе с Чемберленом. В 1930#е годы, когда для Британии наибольший интерес представляли сведения о военной мощи СССР и Германии, британские криптоаналитики не сообщали своему правительству никаких данных по этим странам.

В свете майских событий в Лондоне Политбюро создало комиссию ЦК во главе с К. Е. Ворошиловым, которая рассмотрела создавшееся положение и разработала меры, направленные на то, чтобы впредь не допускать подобных инцидентов. Активное участие в работе комиссии и разработке рекомендаций принимал М. А. Трилиссер. В результате вся система безопасности советских полпредств, торговых представительств и миссий, а также резидентур внешней разведки была изменена. Коренным образом изменилась также и система шифрования: были введены одноразовые шифрблокноты, и с тех пор стала использоваться трудоемкая, но очень надежная система шифрования.

Коминтерн ужесточил контроль за деятельностью своего Отдела международных связей, который вел разведку за рубежом, изменил систему шифров и порядок работы с секретными документами. Резидентам Разведывательного управления РККА и ИНО ОГПУ запрещалось совмещать свои функции с работой в качестве представителей Коминтерна. Разведчикам запрещалось также вербовать коммунистов в качестве агентов. Впредь всякая вербовка агентуры утверждалась в Центре, тогда как до этого резидент ИНО ОГПУ имел право самостоятельно решать такие вопросы. К сожалению, на практике эти рекомендации далеко не всегда выполнялись.

Что касается Аркоса, то он возобновил свою деятельность в 1929 году после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией. Однако основные торговые операции проходили в то время уже по линии торгпредства СССР, участие же Аркоса в товарообороте резко сократилось. В начале Второй мировой войны акционерное общество Аркос прекратило свою деятельность.

* * *

В октябре 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Причиной послужило его открытое выступление против назначенного в тот день на должность первого заместителя председателя ОГПУ всесильного Генриха Ягоды, которого Трилиссер обвинил в сочувствии к «правому уклону» в партии. В связи с болезнью Менжинского, организм которого медленно разрушал прогрессирующий паралич, Ягода фактически становился руководителем ОГПУ. Сотрудникам ОГПУ было разъяснено, что М. А. Трилиссер нарушил партийную дисциплину, поскольку затеял склоку внутри этой важной организации и поставил под сомнение авторитет ЦК ВКП(б).

Исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ОГПУ был назначен Станислав Адамович Мессинг.

Некоторое время опытный организатор разведки Трилиссер находился не у дел. Наконец, в феврале 1930 года его неожиданно вызвали в Кремль к Сталину. Обращаясь к чекисту, тот сказал:

– Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение. Необходимо усилить работу органов нашей Рабоче-крестьянской инспекции. Как вы знаете, мне далеко не безразлична эта работа. Вы, конечно, помните, что с марта 1919 года до апреля 1922 года наркомом РКИ был товарищ Сталин. Если не возражаете, то я сейчас расскажу вам, что именно необходимо там делать в первую очередь…

Трилиссер, конечно, не возражал и был назначен заместителем наркома РКИ.

В 1934 году на XVII съезде партии М. А. Трилиссер был избран членом Комиссии советского контроля при СНК СССР и ее уполномоченным по Дальнему Востоку.

В 1935 году он избирается членом Президиума и кандидатом в члены Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ), в котором работает под фамилией Москвин.

В Секретариате ИККИ аппарат Трилиссера курировал работу по линии компартий Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии и Польши. Он отвечал за деятельность спецслужб ИККИ и взаимодействие с органами НКВД, входил в комиссию Секретариата ИККИ по переводу в ВКП(б) членов зарубежных коммунистических партий. В Исполкоме Коминтерна Трилиссер проработал до 1938 года.

В ноябре 1938 года Сталину доложили список большой группы работников внешнеполитических ведомств, якобы связанных с подпольной террористической деятельностью, среди которых значилось и имя сотрудника Исполкома Коминтерна Меера Абрамовича Трилиссера. Прочитав список, Сталин синим карандашом поставил свою визу. 23 ноября 1938 года бывший руководитель советской внешней разведки Меер Трилиссер был арестован НКВД. В обвинительном заключении, в частности, указывалось:

«Работая в 1926 году начальником Иностранного отдела ОГПУ, Трилиссер вошел в состав антисоветской группы, существовавшей в ОГПУ СССР, и имел организационную связь с врагом народа Ягодой и другими.

В последующие годы, перейдя на работу в аппарат Коминтерна, Трилиссер установил организационную связь по антисоветской деятельности с Кнориным и Пятницким (ответственные сотрудники Исполкома Коминтерна. – *Авт.*) и по их заданиям насаждал в братских компартиях Греции, Польши, Эстонии, Латвии и других стран троцкистские, шпионские кадры и провокаторов».

1 февраля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала Трилиссера виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорила к высшей мере наказания. На следующий день опытный революционер-подпольщик, разведчик и государственный деятель был расстрелян.

Немногим ранее был арестован, а затем расстрелян и генеральный комиссар государственной безопасности Генрих Ягода, против которого Трилиссер выступил в 1929 году.

В 1956 году Меер Абрамович Трилиссер был посмертно полностью реабилитирован.

Глава 5
Мессинг Станислав Адамович

27 октября 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ М. А. Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ОГПУ был назначен Станислав Адамович Мессинг, являвшийся руководителем питерских чекистов. А с 1 декабря того же года он официально возглавил советскую внешнюю разведку. Одновременно С. А. Мессинг был утвержден заместителем председателя ОГПУ.

Станислав Мессинг родился в 1890 году в Варшаве в семье музыканта и акушерки. Поляк. Из-за материальных затруднений в семье он после окончания четырех классов 5#й варшавской гимназии начал трудовую деятельность. Являлся учеником слесаря, затем работал в типографии.

Еще юношей Станислав примкнул к Социал-демократической партии Польши и Литвы. С 1908 года – член партии большевиков, активный участник революционного движения. Неоднократно арестовывался царской охранкой, сидел в крепости, отбывал ссылку в Брест-Литовске. В начале 1909 года был выслан в административном порядке в Бельгию, где участвовал в работе русских эмигрантских организаций (в это же время в Бельгии находился в эмиграции, спасаясь от преследований царской полиции, Яков Давтян). Одновременно работал чернорабочим на бельгийском заводе Проведанск. В 1910 году трудился чернорабочим на железно-цинковом заводе, который находился во французском городе Валеневен.

В 1911 году Мессинг возвратился в Варшаву, где вновь был арестован. Сидел в полицейском доме ратуши Варшавы. Через два года его призвали на военную службу в Туркестан. Служил рядовым в 17#м Туркестанском стрелковом полку в городе Ашхабаде. С 1915 по 1917 год находился в действующей армии на Кавказском фронте. Избирался членом полкового солдатского комитета.

В марте 1917 года Мессинг демобилизовался и приехал в Москву. Трудился чернорабочим на хозяйственном складе. Одновременно занимался политической деятельностью. Активно участвовал в Октябрьской революции в Москве. После октябрьских событий 1917 года являлся секретарем Сокольнического исполкома и председателем Сокольнической районной ЧК. С декабря 1918 года – член коллегии и заведующий секретно-оперативным отделом Московской ЧК. В июле 1920 года утвержден членом Коллегии ВЧК, а в январе 1921 года – председателем Московской ЧК.

В ноябре того же года Мессинга переводят в Петроград и назначают председателем Петроградской ЧК и Полномочного представительства (ПП) ВЧК по Петроградской губернии. Одновременно с октября 1922 года он является командующим войсками ГПУ Петроградского военного округа и членом Коллегии ГПУ.

Касаясь этого периода пребывания Мессинга в Петрограде, российский историк отечественных спецслужб Леонид Млечин в своей книге «История внешней разведки. Карьеры и судьбы» рассказывает:

«Ему трудно далось общение с хозяином Петрограда, членом Политбюро Григорием Зиновьевым, человеком слабохарактерным и одновременно жестоким.

Видимо, Мессинг уступал ему в жестокости.

Весной 1923 года он отправил заместителю председателя ГПУ Иосифу Уншлихту рапорт с просьбой перевести его из Петрограда:

«На экстренном заседании бюро Петроградского комитета при обсуждении вопроса об усилении мер борьбы против меньшевиков было указано на слабость работы ГПУ и лично Мессинга.

Это подтвердил и в личной беседе Зиновьев.

Я не стараюсь бить меньшевиков широкими репрессиями, принимая во внимание, что мы живем в двадцать третьем году, а не в восемнадцатом… При сложившихся обстоятельствах считаю совершенно необходимым мою переброску».

Тем не менее Мессинг пережил в Петрограде Зиновьева».

После преобразования ГПУ в ОГПУ в ноябре 1923 года Мессинг становится начальником Петроградского губотдела ОГПУ и ПП ОГПУ, а также командующим войсками ОГПУ в Петроградском (затем Ленинградском) военном округе, членом Коллегии ОГПУ.

В 1926 году Мессинг был награжден орденом Красного Знамени, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ».

В октябре – ноябре 1929 года С. А. Мессинг исполнял обязанности начальника внешней разведки, а с декабря 1929 года по август 1931 года возглавлял советскую внешнюю разведку.

На этот период приходится активизация деятельности внешней разведки за рубежом. Так, 5 февраля 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое постановление, в котором определило основные направления разведывательной деятельности и поставило конкретные задачи перед ИНО ОГПУ.

В документе, в частности, подчеркивалось:

«Исходя из необходимости концентрации всех наших разведывательных сил и средств на определенных главных территориальных участках, основными районами разведывательной работы ИНО ОГПУ определить: Англию, Францию, Германию, Польшу, Румынию, Японию, Лимитрофы (Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. – *Авт.*)».

В постановлении были названы следующие задачи, «стоящие перед ИНО ОГПУ»:

«1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.

2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.

3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов, подготовляемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.

4. Освещение и выявление планов финансово-экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.

5. Добыча документов секеретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.

6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.

7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.

8. Добыча для нашей страны промышленных изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добытыми обычным путем.

9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей».

Данное постановление явилось исключительно важным для организации закордонной деятельности внешней разведки ОГПУ. Следует напомнить, что в конце 1929 года руководителем Русского общевоинского союза (РОВС) генералом Александром Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. В секретной инструкции для боевиков, разработанной Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде – террор против… советских чиновников, а также тех, кто

ведет работу по развалу эмиграции». Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов)».

Естественно, Москва не могла не учитывать потенциальной опасности, исходившей со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь – со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого являлось вооруженное выступление против советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентуры на советской территории, разложению его изнутри и возможному влиянию на принятие решений его руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

Организацией работы по данным проблемам пришлось вплотную заниматься начальнику внешней разведки.

Так, с целью снижения диверсионной активности РОВС, руководство ИНО ОГПУ приняло решение организовать с ним оперативные игры от имени легендированной организации. Одна из таких – «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО) была успешно подставлена представителям РОВС в Румынии генералам Штейфону и Геруа. Данное оперативное мероприятие позволило вскрыть каналы переброски в Советскую Россию боевиков, выявить их связи с подпольными организациями на Северном Кавказе, Кубани и в Донской области. Чекистам также удалось вывести за границу и внедрить свою агентуру в филиалы РОВС в Румынии, Югославии и Болгарии.

Одновременно проводилась оперативная игра непосредственно со штаб-квартирой РОВС от имени так называемой «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО), созданной ОГПУ с привлечением в нее бывших царских офицеров.

В начале 1930 года сотрудниками Особой группы при председателе ОГПУ под руководством Якова Серебрянского в Париже была проведена операция по похищению руководителя РОВС генерала Кутепова.

Похищение генерала Кутепова было осуществлено в воскресенье 26 января 1930 года около 11 часов дня на углу улиц Удино и Русселе в 7#м квартале Парижа. Парижской резидентуре ОГПУ было известно, что в этот день в 11 часов 30 минут Кутепов должен был присутствовать на панихиде по умершему генералу Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель, что в 20 минутах ходьбы от его дома. Однако до храма генерал не дошел.

Накануне, 25 января, одним из сотрудников опергруппы Серебрянского была передана записка генералу Кутепову, в которой ему назначалась кратковременная встреча на пути к церкви. При этом разведчики учитывали, что генерал на встречи, связанные с агентурой и боевой деятельностью РОВС, всегда ходил один. Прождав некоторое время автора записки на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь. Сотрудники группы Серебрянского, а также агенты парижской резидентуры ОГПУ, выдававшие себя за французских полицейских, задержали генерала под предлогом проверки документов и предложили проехать в полицейский участок для выяснения личности. Кутепов дал усадить себя в автомобиль, но услышав русскую речь, попытался оказать сопротивление. Его усыпили хлороформом. Однако больное сердце генерала не выдержало последствий наркоза, и он умер от сердечного приступа.

В мае 1930 года за успешное проведение операции по нейтрализации генерала Кутепова С. А. Мессинг был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Однако уже 1 августа 1931 года Станислав Мессинг, который, как и его предшественник Меер Трилиссер, оказался якобы втянутым в групповую борьбу за власть в верхушке

ОГПУ, был снят с должности начальника Иностранного отдела. Его сменил Артур Христианович Артузов, который накануне был введен в состав Коллегии ОГПУ.

Через несколько дней Станислав Мессинг вместе с другими видными чекистами – Львом Бельским, Иваном Воронцовым и Яковом Ольским – был уволен из органов ОГПУ. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 6 августа 1931 года по этому поводу говорилось:

«…а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ;

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым делом»;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ».

В упомянутой выше работе Леонида Млечина подчеркивается в этой связи, что Мессинг выступил против начавшихся в конце 1930 года массовых арестов бывших офицеров царской армии, честно служивших в Красной Армии. Он был среди тех, кто утверждал, что массовые аресты военных – «вредная акция».

После увольнения из ОГПУ Станислав Мессинг был назначен на руководящую должность в Наркомат внешней торговли. Его ввели в состав Коллегии НКВТ СССР.

В 1936 году Мессинг стал членом совета при Наркомвнешторге СССР и председателем В/О «Совмонголтувторг». Затем являлся председателем Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты НКВТ СССР, членом Президиума Торгово-промышленной палаты СССР.

15 июня 1937 года Станислав Адамович Мессинг был арестован по обвинению в членстве в Польской организации войсковой и в шпионаже с 1918 года в пользу Польши. 2 сентября 1937 года он был осужден Особым совещанием к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 6 октября 1956 года.

Часть вторая
Становление советской внешней разведки

Деятельность внешней разведки в 1933–1941 годах определяли два фактора: угроза новой мировой войны и попытка Советского государства предотвратить ее на основе реализации принципа коллективной безопасности.
«Очерки истории российской внешней разведки»

Активная наступательная деятельность внешней разведки на первых этапах ее становления помогла сорвать агрессивные планы противников страны Советов и тем самым способствовала созданию благоприятных условий для экономического строительства и укрепления обороноспособности Советского государства.

В 1930#е годы с установлением нацистского режима в Германии начался период резкого обострения международной обстановки. И в Центре, и в резидентурах сотрудникам приходилось работать в очень сложных условиях: не хватало квалифицированных кадров; структура, формы и методы деятельности внешней разведки только начинали складываться; слабой была материально-техническая база. Однако именно в это время закладывались идейно-патриотические основы разведки, накапливался опыт и оттачивалось профессиональное мастерство.

5 февраля 1930 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О приоритетных направлениях деятельности ИНО ОГПУ». В нем впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной деятельности. Среди задач, поставленных перед внешней разведкой, были, в частности, следующие: выявление планов руководящих кругов Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии относительно финансово-экономической блокады нашей страны; активизация научно-технического направления деятельности разведки.

Безусловно, возможность выполнения этих задач силами аппарата, насчитывавшего немногим более ста человек, может показаться сейчас просто нереальной. Тем не менее разведка работала довольно успешно. Выполняя данное постановление, внешняя разведка сумела получить большое количество секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений.

В декабре 1933 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об активизации внешнеполитической деятельности Советского государства в целях предотвращения войны на основе плана коллективной безопасности в Европе.

Задача эта была непростой. Большинство стран, с которыми СССР имел общие границы, проводило в отношении нашего государства откровенно враждебную политику. Некоторые из них, такие как Финляндия, Польша, Румыния и Япония, открыто выступали с территориальными претензиями к нашей стране. Лимитрофы Прибалтики, в которых установились откровенно фашистские режимы, в любой момент могли превратиться в плацдарм нацистской агрессии против СССР.

Особенно непримиримую, антисоветскую позицию, граничившую с антирусским расизмом, занимала Польша. Курс руководства Польши во главе с лидером страны Ю. Пилсудским и министром иностранных дел Ю. Беком на сотрудничество с нацистской Германией стал роковым для польского народа. Польское правительство подписало в январе 1934 года германо-польскую декларацию о неприменении силы. Одновременно оно уведомило Гитлера о своих планах восстановления Польши в границах 1772 года – Польши «от моря до моря». Польская дипломатия, полагая, что безопасность ее границ на Западе обес-

печена, методически отвергала все предложения Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Европе и заигрывала с Берлином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.